

Симеон Новый Богослов

Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга первая

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639035*

*Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. В трех книгах. Книга первая.:
Сибирская Благовонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-351-5*

Аннотация

В истории христианства третьим духовным писателем, к имени которого придано поименование Богослов, является преподобный Симеон Новый Богослов. Святой отец поучениями устными, а позднее и письменными проповедовал свой личный опыт сокровенного общения с Господом.

Русские православные люди познакомились с творениями Симеона Нового Богослова благодаря переводческим трудам епископа Феофана Затворника, который ценил святого отца за то, что... «преподобный внушает ревность к внутренней благодатной жизни... И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум».

Предлагаемая первая книга из трехтомника включает в себя перевод сорока четырех проповедей – «Слов», которым предшествует пространный труд архиепископа Василия (Кривошеина) «Жизнь и личность преподобного Симеона Нового Богослова».

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Содержание

Предисловие	4
Архиепископ Василий (Кривошеин)	6
Братолюбивый нищий	6
Неистовый ревнитель	12
Новый богослов	20
Обожение	29
Заключение	33
Житие преподобного Симеона Нового Богослова	35
Слова преподобного и Богоносного отца нашего Симеона Нового Богослова	42
Слово первое	43
Слово второе	46
Слово третье	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Симеон Новый Богослов, преподобный Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга первая

Предисловие

Духовное наследие прп. Симеона Нового Богослова – его богомудрые писания – нам стали известны благодаря трудам пресвитера Студийского монастыря инока Никиты Стифата, который еще при жизни прп. Симеона, будучи учеником его, собирал, переписывал, хранил (как он пишет, по воле Божией) каждое слово своего учителя, чтобы передать Церкви.

Труды прп. Симеона были впервые изданы в XVIII в., но не в подлинном тексте, а в новогреческом переводе Дионисия Загорейского. До этого времени они были известны только по рукописям. Причем Дионисий Загорейский (как исследует архиепископ Василий Кривошеин) в свое время отмечал, что многие творения Симеона Нового Богослова в рукописях XI–XII вв. сохранились в двух различных редакциях: одной – первоначальной, монашеской, другой – переделанной кем-то, так что видна систематичность, отвлеченность, бледность в их содержании, уже лишенном многих подробностей в описании личных событий, явлений, ощущений и исторических фактов из жизни преподобного.

С этой второй, переработанной, «бледной» греческой рукописи был сделан латинский перевод. Дионисий же в своем переводе творений прп. Симеона на новогреческий язык следует лучшей первоначальной редакции (правда, иногда кое-что опускает, иногда предпочитает включить даже что-то и из второй редакции рукописи). Порядок же «Слов», как они встречаются в рукописях, он не сохраняет в своих переводах. Было два издания переводов Дионисия Загорейского на новогреческий язык: одно издание в Венеции в 1790 году и второе – в Сирозе (Смирна) в 1886 году.

Широкое же знакомство российских христиан с творениями прп. Симеона Нового Богослова началось в XIX в., когда стали переводиться и печататься его «Слова». В предисловии к «Словам» прп. Симеона, изданным Козельской Введенской Оптиной Пустыней (Москва, 1869), указывается, что эти его «Двенадцать Слов» ранее были изданы в 1852 г. в Москве в славянском переводе старца Паисия Величковского, взятые из числа тридцати пяти, известных на греческом языке, а теперь в 1869 году, печатаются в русском переводе после тщательного сличения с греческой рукописью Московской Синодальной библиотеки. В предисловии также отмечается, что в Москве в 1856 году Оптиной Пустыней было издано на славянском языке житие прп. Симеона Нового Богослова.

Позднее трудами святителя Феофана Затворника были переведены с новогреческого языка на русский в двух выпусках «Слова» прп. Симеона Нового Богослова». Первый выпуск – 52 «Слова» (490 страниц) был в 1882 году в Москве, а второй выпуск – еще 40 «Слов», с 53-го по 92-е (всего 593 страницы) – напечатан в 1890 году тоже в Москве. Во втором выпуске помещены еще «Деятельные и богословские главы» прп. Симеона Нового Богослова и «Подвижнические Слова» старца Симеона Благоговейного.

Архиепископ Василий (Кривошеин) указывал, что этот перевод есть, так сказать, «перевод с перевода», ибо сам по себе перевод Дионисия был не полон, а святитель Феофан неточно следовал тексту Дионисия Загорейского, и даже вносил изменения, поправки,

дополнения, сокращения с учетом, видимо, своего духовного опыта и высшего богословского образования.

Этот перевод святителя Феофана был издан Русским Пантелеимоновым монастырем на Афоне и стал главным источником ознакомления благочестивого русского народа с творениями прп. Симеона.

Святитель Феофан часть «Слов» прп. Симеона в своем переводе поместил в «Добротолубии». Там имеются «Деятельные и богословские главы» (152 из 184) и «Слово» о трех образах молитвы.

В 1917 году иеромонах Пантелеимон (Успенский), опубликовал русский перевод (но не с греческого текста) почти всех «Гимнов», основываясь на тексте Дионисия Загорейского в латинском переводе и на некоторых рукописях Святой Афонской Горы. Но последующие события помешали этому изданию получить широкое распространение.

Эти «Гимны» представляют келейные записи или дневники, в которых преподобный изливал свою любовь, благоговение и благодарность к Богу. Они раскрывают саму душу в моменты глубоких созерцаний и Божественных откровений.

В «Гимнах» прп. Симеона замечается благодатное вдохновение и устремление к Богу, дыхание Духа, ибо, как говорит Никита Стифат, его блаженнейший святой отец удостоился апостольской благодати, великих откровений, неизреченных созерцаний, таинственной беседы и Божественных гласов, так что он, не изучав науки, обладал красноречием, рассудительностью мудреца-богослова, и его обоженный разум во время прекращения умственной деятельности приходил в единение с Божественным Светом.

И иеромонах Пантелеимон (Успенский) отмечает, что в «Гимнах» отображается сама сущность Евангельской жизни. Это для разумения грешников непостижимо, а доступно лишь мужам бесстрастным, святым и совершенным. Прп. Симеон описывает свои небесные восхищения в рай, в мир равноангельский, Божественный. В «Гимнах» отображается путь души из глубины падения через слезы и покаяние к Божественному Свету. Он возвещает то, что обыкновенный человек не видит телесными очами, не слышит чувственными ушами, ибо только при бесстрастии, святости и озарении Света можно видеть Бога.

Итак, благодаря трудам наших переводчиков и богословов, мы смогли ознакомиться с жизнью и творениями великого подвижника и Нового Богослова. Известно, что иеромонах Пантелеимон (Успенский) трудился еще над переводом и изданием полного собрания творений прп. Симеона, но смерть помешала ему это осуществить.

В дальнейшем, как известно, большой интерес к изучению и переводу трудов прп. Симеона проявляют архиепископ Василий (Кривошеин) и иеромонах Софроний. Архиепископ Василий, еще будучи иеромонахом, перевел с греческого языка и издал новое «Слово», которого не было раньше в русском переводе, а иеромонах Софроний в «Вестнике Русского Патриаршего Экзархата» (1953, № 15. С. 133–135) напечатал в стихах два «Гимна» (6 и 48-й) в своем новом переводе.

В 1957–1973 гг. подлинный греческий текст творений прп. Симеона, восстановленный на основании существующих рукописей, был впервые издан на Западе французским издательством Sources Chretiennes (Христианские Источники) в девяти томах. Издание Sources Chretiennes полностью охватывает все действительно принадлежащие прп. Симеону писания и таким образом впервые дает возможность научно-богословского изучения его творений и даже правильного и целостного понимания его личности и духовного учения. Естественно, что на Западе это издание, в котором греческий текст сопровождается французским переводом и обширными комментариями, вызвало интерес к прп. Симеону, известному до этого на Западе почти исключительно в узких кругах византологов.

Архиепископ Василий (Кривошеин) Жизнь и личность преподобного Симеона Нового Богослова

Братолюбивый нищий

Преподобный Симеон Новый Богослов родился в 949 году в местечке Галати, в Пафлагонии (Малая Азия), от родителей, принадлежавших к состоятельному и влиятельному в общественных делах провинциальному дворянству. Это было во времена македонской династии, одного из лучших периодов византийской истории. Жизнь прп. Симеона совпадает в большей своей части с царствованием самого знаменитого представителя этой династии, императора Василия II Болгаробойцы (976-1025). В возрасте приблизительно одиннадцати лет прп. Симеон был привезен своим отцом в Константинополь учиться в столичных школах, чтобы впоследствии поступить на императорскую службу. Его дядя, Василий, занимал тогда важное место при дворе и намеревался представить своего племянника императору, но юный Симеон уклонился от этой чести. Он также отказался после окончания учения в школах, которые мы могли бы назвать средними, продолжать свое образование в высших школах.

Впоследствии прп. Симеон описывает себя в этот период своей жизни в следующих несколько иронических словах: «Некий молодой человек, именем Георгий, около двадцатилетнего возраста, жил в наши времена в Константинополе, красивый видом и имевший что-то показное в своем облике, манерах и походке, так что даже некоторые имели о нем из-за этого дурные мнения». Он как будто бы вел тогда рассеянную жизнь столичного молодого человека, но оставался глубоко неудовлетворенным. «Благодарю Тебя, Владыко, Господи неба и земли, – пишет он впоследствии, вспоминая это время, – ... что когда я, неблагодарный и презритель, как лошадь, сорвавшаяся с привязи, поверг себя в пропасть, убежав от Твоей власти, Ты не оставил меня лежать. по милости Твоего сердца послал за мною и вывел меня оттуда, и почтил меня еще более светло. И освободил меня неизреченными Твоими судьбами от царей и властителей, которые намеревались пользоваться мною для обслуживания своих желаний, как сосудом, не имеющим ценности». Под влиянием, как кажется, чтения духовных книг, житий святых в особенности, молодой Симеон живо почувствовал ничтожность своего тогдашнего состояния и, в желании найти путь к Богу, начал искать святого человека, который мог бы руководить им и примирить с Богом. Окружающие не понимали его. «Но когда я слышал, – пишет он, – всех единодушно без исключения говоривших мне, что такого святого не существует в настоящее время на земле, то от этого я впадал в еще большую печаль». Однако жил с верою и доверием к Богу, столь характерными для него всегда: «Я никогда, однако, этому не верил... И говорил: Господь мой, помилуй! Неужто диавол стал настолько сильнее Владыки Бога, что всех привлек к себе и сделал всех своими сторонниками, так что никто не остался на стороне Бога?»

Столь большая вера не могла остаться безответной: прп. Симеон встретил наконец святого человека, которого искал. Это был престарелый монах Студийского монастыря. Его тоже звали Симеон. С этого знакомства начинается новый период в жизни молодого Симеона. Внешне он продолжал работать в миру, как и раньше, но часто посещал своего духовного отца и ревностно исполнял его предписания. Вначале, однако, Симеон Студит ограничился тем, что дал своему ученику «маленькую заповедь только для напоминания», чтобы тот исполнял ее. И когда тот попросил у него книг для духовного чтения, то дал ему

книгу «О духовном законе» Марка Монаха, аскетического писателя V века. Среди изречений этой книги, поразивших молодого Симеона, было одно, которое произвело на него особенно глубокое впечатление: «Ища исцеления, позаботься о совести. И все, что она говорит, сделай и найдешь пользу». «С тех пор, – говорит прп. Симеон, рассказывая о себе в третьем лице, – он никогда не засыпал, когда совесть обличала его и говорила: Почему ты не сделал и этого?» «Уязвленный любовью и желанием (Господа), он искал с надеждою Первую Красоту» и с юношескою ревностью на деле применил изречение Марка Монаха, все более и более увеличивая свои ночные молитвы, как ему то внушала совесть, «потому что днем он стоял во главе дома одного из патрициев и каждый день являлся во дворец, заботясь о вещах нужных для жизни, так что из-за этого никто не знал, что происходило с ним», в то время как его ночи были посвящены пламенной молитве. Слезы текли из его глаз, он умножал коленапреклонения, как если бы Господь присутствовал Сам, и молитвенно призывал Матерь Божию.

Во время одного из этих ночных молений прп. Симеон имел первое мистическое видение света, затопившего его, наполнившего радостью, он перестал ощущать и себя, и все окружающее. Но первый период религиозного воодушевления и мистического просветления, приписываемый прп. Симеоном молитвам духовного отца, продолжался недолго. Юноша вернулся к светской и рассеянной жизни, какую вел раньше. «И забывая, – рассказывает он, – о всем, выше сказанном, я дошел до всецелого омрачения, так что даже не вспоминал никогда ни о чем малом или великом, вплоть до простой мысли, из того, о чем я ранее сказал. Я впал в еще большие беды, чем случившиеся со мною прежде, и был в таком состоянии, как если бы я никогда не понимал или не слышал святых слов Христовых. Но и на того святого, который сжалился тогда надо мною и дал мне маленькую заповедь и послал мне книгу, я смотрел, как на одного из обычных людей. Я просто не думал о всем виденном мною благодаря ему!» В другом месте прп. Симеон выражается с еще большей силою об этих годах духовного расслабления: «Я вновь бросил себя, несчастный, в ров и глубокую тину постыдных мыслей и действий. И сошедши туда, я впал во власть тех, кто скрывался во тьме, так что не только я сам себя, но и весь мир, сошедшийся воедино, не смог бы вывести меня оттуда и избавить из их рук».

Эти покаянные признания не должны быть понимаемы буквально: несмотря на все расслабление, испытанное им, прп. Симеон сумел сохранить свое целомудрие, как он это уточняет сам: «Когда кто-нибудь призывал меня на дела безумия и греха, истинно, этого обманчивого мира, внутри все мое сердце собиралось и как бы скрывалось, стыдясь само себя, невидимо удерживаемое всячески Твоею Божественною рукою. И я любил все другие житейские (вещи), которые приятны для зрения и услаждают гортань, и украшают это тленное тело. Но нечистые действия и бесстыдные желания, Ты стер их из сердца моего, о Боже мой, и соделал к ним ненависть в моей душе, если даже произволением моим я был расположен к ним, и сотворил, чтобы я скорее имел бездейтельное желание и действия без желания, величайшее чудо во всяком случае». Кажется, однако, что даже в этот период, продолжавшийся около шести-семи лет, прп. Симеон не порвал совершенно своих отношений со своим духовным отцом. «Не знаю, как это сказать, – пишет он, – неведомо как-то любовь и вера к святому старцу осталась в моем несчастном сердце. И из-за нее, я думаю, человеколюбивый Бог после прошествия стольких лет помиловал меня по его молитвам. И опять посредством его избавил меня от великого заблуждения, выхватив из глубины зол. Потому что я, недостойный, не отступил окончательно от него, но исповедовал ему случавшееся со мною и часто заходил в его келлию, когда мне приходилось бывать в городе, хотя, бессовестный, и не сохранял его заповедей».

Прп. Симеон приписывает, однако, прямому вмешательству Божию свое второе и окончательное избавление от власти злых сил. Он с большим чувством описывает его в одном из лучших своих писаний: «Когда меня там держали и жалким образом таскали кругом, и уду-

шали, и насмехались. Ты, милосердный и человеколюбивый Владыка, не презрел меня, не проявил злопамятства, не отвратился от моего неблагодарного умонастроения и не оставил меня быть надолго добровольно насилуемым разбойниками. Но если я и радовался, будучи бесчувственно соувлекаем ими, Ты, Владыка, не вынес видеть меня водимого и влекомого кругом. Но Ты умилился, но Ты пожалел и послал ко мне грешному и жалкому не ангела, не человека, но Сам Ты, движимый Твоею внутренней благодатью, склонился к тому глубочайшему рву и протянул Твою пречистую руку ко мне, погруженному во глубину грязи и сидящему где-то внизу. И хотя я не видел Тебя (ибо как я мог видеть или как мог вообще смотреть, будучи покрытым грязью и утопая в ней?), Ты взялся за волосы моей головы и вытащил меня оттуда, увлекая насильно. Я чувствовал боль и ощущал движение вверх и то, что я восхожу, но не знал, кем я вообще влеком вверх и кем может быть тот, кто держит и возводит меня. Но, вытащив меня наверх и поставив на землю, Ты передал меня Своему рабу и ученику, всего оскверненного и с глазами, ушами и ртом, забитыми грязью, и даже тогда не видевшего Тебя, кто Ты, а только узнавшего, что Некий добрый и человеколюбивый, каким Ты являешься, вывел меня из того глубочайшего рва и грязи». Или, как прп. Симеон говорит в другом месте: «Да, Владыка, Ты вспомнил меня, когда я находился в миру, и, когда я не знал, Ты Сам избрал меня и отделил от мира, и поставил пред лицом Твоей славы».

Это чудесное избавление из рва, видимо, соответствует решению прп. Симеона окончательно оставить мир и стать монахом. Как известно из Жития, он поступил в Студийский монастырь в качестве послушника примерно 27-ми лет. Прп. Симеон вспоминает об этой перемене в своей жизни в следующих выражениях: «Ты, Боже мой, помиловал меня от отца и братьев, сродников и друзей, от земли рождения, из моего отцовского дома, как из темного Египта, как из глубин ада. Ты отделил меня, Благостный, и, приняв меня, повел меня, держа Твоею страшною рукой, к тому, которого Ты благоволил сделать на земле моим отцом, и бросил к его ногам и объятиям. И он привел меня к Твоему Отцу, о мой Христос, и к Тебе через Духа, о Троица, Боже мой, плачущего, как блудный сын, и припадающего, о Слове». В Студийском монастыре прп. Симеон нашел своего старого духовного отца Симеона Благоговейного и немедленно стал его верным учеником, проявляя большое рвение в послушании и в аскетической жизни вообще. Однако в этом общежительном монастыре, где придавали большое значение порядку, единообразию и единоличной власти игумена, такая особенная привязанность к духовному отцу скоро возбудила неудовольствие среди монахов. Игумен несколько раз вызывал к себе прп. Симеона и требовал от него больше сообразовываться с правилами общежития и отказаться от руководства его духовного отца. Прп. Симеон, однако, не захотел это исполнить и был изгнан из монастыря. Нетрудно понять, чем был вызван этот отказ: прп. Симеон был убежден, что Сам Бог дал ему духовного отца, которому он был обязан всем. Он снова поступил послушником в соседнюю небольшую обитель св. Маманта, именуемую Ксирокеркской, но продолжал, однако, находиться под духовным руководством Симеона Благоговейного, который остался в Студийском монастыре. В своей новой обители прп. Симеон был вскоре пострижен в монахи и рукоположен в иереи, а затем, после трехлетнего пребывания в обители, в возрасте, приблизительно, 31-го года, выбран монахами монастыря св. Маманта игуменом с одобрения патриарха Николая Хрисоверга. Это происходило около 980 г. К этому времени он уже начинал становиться в Константинополе «знаменитостью», был известен святостью и мудростью, многие почитали и любили его, но другие критиковали и подвергали нападкам.

Таковы, кратко, внешние факты, как они видны из Жития, написанного Никитой Стифатом. Писания самого прп. Симеона открывают нам внутреннюю сторону этих событий. Мы узнаем из них, что в отличие от легкости первых шагов в духовной жизни, быстро приведших молодого Симеона к первому видению Божественного света, он был вынужден теперь с терпением проходить длинный, трудный и болезненный путь духовного исцеле-

ния. Так, только ценою больших аскетических усилий было дано ему увидеть луч Божественного света, но более тускло, чем в первый раз. В другом месте прп. Симеон, в ярких образах описывая свой внутренний путь, подчеркивает решительную роль своего духовного отца, Симеона Благоговейного, в этом процессе освобождения: «Итак, по повелению Твоему я последовал, не оборачиваясь назад, за человеком, указанным мне Тобою, Всесвятой Владыка, и он повел меня с большим трудом к источникам и ключам, слепого и влекомого позади данной мне Тобою рукою веры и вынуждаемого следовать за ним. И там, где он, как видящий, умело поднимал свои ноги и без затруднения проходил через все камни, ямы и западни, я натыкался на них на все и падал в них, и от этого претерпевал много страданий, трудов и скорбей. Он также во всякое время мылся и купался в каждом источнике, когда сам хотел, а я, не видя, проходил мимо большинства из них. Если бы он не удержал меня за руку и не поставил близ источника, и не направил бы мои руки ума, я никогда бы не смог найти источник воды, где он находится. Часто он мне указывал сам на источники и оставлял меня мыться, но я вместе с чистою водою захватывал своими ладонями глину и грязь, лежавшие близ источника, и загрязнял ими мое лицо. Часто также, ощупывая источник воды, чтобы найти его, я сбрасывал в него землю и замешивал грязь. И, не видя совсем, думал, что чисто моюсь, когда на деле пачкал свое лицо в грязи, как бы в воде».

Внутренние трудности удваиваются от противодействия людей (студийских монахов, как можно предполагать) и от их непонимания его духовного пути. «Что ты напрасно трудишься, – говорили они ему, – поступая безрассудно, следуешь за этим насмешником и обманщиком, суетно и без пользы ожидая прозреть? Да в наше время это невозможно!.. Почему ты вместо этого не идешь к милостивым людям, которые просят тебя упокоить и пропитать и хорошо за тобой ухаживать? Ведь невозможно же избавиться от этой душевной проказы. Откуда только появился этот насмешник, современный чудотворец, обещающий тебе вещи невозможные для всех людей нынешнего поколения?.. И сам ты, без нас, не думаешь ли об этом в себе и не держишься ли того же мнения?» Ничто, однако, не могло отвлечь прп. Симеона от пути, который он избрал. Мы указываем далее, в главе о видении света, прекрасную страницу из Второго Благодарения, где прп. Симеон с большим лиризмом, развивая свой образ источника, описывает видения, ослепляющие и темные, светлые и таинственные, которые он имел в это время, Лица Господня. Очень важно отметить настойчивость, с которой прп. Симеон не перестает подчеркивать, что, несмотря на его многочисленные мистические озарения, он еще не познал Бога и не понимал ясно и сознательно, Кто был являвшийся ему. И поэтому, несмотря на все свои видения, он был глубоко неудовлетворен. Мы касаемся здесь одной глубокой черты в духовности прп. Симеона. Часто говорят, сильно упрощая вещи, что мистицизм греческих отцов есть мистицизм света, и что видение света есть высшее мистическое явление в византийской духовности. По отношению к прп. Симеону, во всяком случае, такое мнение может быть принято только с некоторым ограничением. Для него не видение света само по себе, как бы важно оно ни было, образует центральный момент и вершину мистической жизни, но личная встреча со Христом, являющимся во свете, и общение с Ним. И только с момента, когда Христос начинает говорить с нами в нашем сердце через Своего Святого Духа, мы приобретаем личное Его познание. Простое видение света не дает его, но может вызвать сильное томление и мистическую неудовлетворенность. Только после многих видений света и переменных явлений и удалений наступает решительный момент, когда Христос начинает говорить. «Ты тогда впервые, – говорит прп. Симеон, – удостоил меня, беспутного, услышать Твой голос. И Ты вот так мягко обратился ко мне, поражающемуся и изумляющемуся, и трепещущему, и в самом себе как бы размышляющему и говорящему: «Что может означать эта слава и величие этой светлости? Каким образом и откуда я удостоился таких благ?» «Я есмь, – сказал Ты, – Бог, ставший для тебя человеком. И так как ты взыскал Меня от всей души, вот ты будешь отныне Моим братом,

Моим сонаследником и Моим другом». И прп. Симеон рассказывает, как это мистическое единство со Христом стало для него затем непреходящим состоянием.

Для прп. Симеона было совершенно невозможно сохранить в тайне это великое откровение. По любви к ближним, в пламенном желании сделать всех участниками той же благодати, он чувствовал себя обязанным открыть другим свой духовный опыт и призывать их следовать по его духовному пути. Он был твердо убежден, что Христос дарует полноту Своей благодати всякому, кто будет искать ее от всего сердца. «Как, в самом деле, можем мы, – спрашивает он, – молчать о таком богатстве Его благодеяний или неблагодарно, как непомнящие и дурные рабы, зарывать данный нам талант?» Он объясняет свою мысль, используя следующий прекрасный образ: «Как некий братолюбивый нищий, попросивший милостыню у одного христоролюбивого и милостивого человека и получивший от него несколько монет, бежит от него в радости к своим товарищам по бедности и извещает их об этом, говоря им втайне: «Бегите с усердием и вы, чтобы получить», – и при этом показывает им пальцем и указывает им человека, давшего ему монеты. А если они не верят ему, показывает им ее на ладони, приобнажая монету на ней, чтобы они поверили и проявили бы усердие, и настигли бы быстро того милостивого человека. Так и я, смиренный, бедный и обнаженный от всякого добра, и слуга святыхи всех вас, испытавший на деле человеколюбие и сострадание Божие, и получивший благодать, недостойный всякой благодати, не выношу один скрывать ее в недрах души, но говорю всем вам, братьям и отцам моим, о дарах Божиих и делаю явным вам, насколько это в моих силах, каков есть тот талант, который был дан мне, и посредством моих слов обнажаю его, как на ладони. И говорю это не в закоулке и тайне, но кричу громким голосом: «Бегите, братья, бегите». И не только кричу, но и указываю на подающего Владыку, выставляя вперед вместо пальца мое слово. Поэтому и я не терплю, чтобы не говорить о тех чудесах Божиих, какие я видел и какие я узнал на деле и на опыте, но всем прочим людям свидетельствую о них, как перед Богом».

В другом месте, свидетельствуя об этом, прп. Симеон возвращается к евангельскому образу сокрытого сокровища: «Когда сокровище, скрытое в Божественных Писаниях, было мне указано святым мужем в некотором месте, я не поколебался восстать, и разыскать, и увидеть его, но, оставив всякую другую житейскую работу и деятельность, я не перестал день и ночь копать и углубляться, пока сокровище не начало сиять на поверхности вместе с землею. Потрудившись таким образом долгое время, выкапывая землю и отбрасывая ее в сторону, я увидел все сокровище, лежавшее где-то внизу, распростертым, как мне думается, наверху всей земли, не смешанное с ней и чистое от всякой грязи. И видя, всегда кричу и так взываю к неверящим и не желающим трудиться и копать: «Приидите, научитесь, что не только в будущем, но вот уже сейчас лежит перед нашими глазами, и руками, и ногами несказанное сокровище, превышающее всякое начало и власть. Приидите и удостоверьтесь, что это сокровище есть свет мира».

Здесь мы приходим к одному из наиболее важных моментов во всем мистическом развитии прп. Симеона. Он начинает с несомненностью чувствовать, что это не он взывает, но Сам Христос, Который и есть Сокровище, призывает людей через него. «И я не от себя самого, – продолжает он, – говорю это, но Само Сокровище сказало и говорит: «Я есмь воскресение и жизнь, Я зерно горчичное, глубоко скрытое в земле, Я жемчуг, покупаемый верными, Я световидный источник бессмертного потока и реки, в коем любящие Меня от руки моются и очищаются от всякой нечистоты телом и душою, и блистают все, как светильник или как вид солнечного луча»».

Таков, в кратком изображении, мистический путь прп. Симеона согласно его писаниям. Он начинается даром Божиим, видением Божественного света, внезапно осиявшим его, когда он был еще юношей, неопытным в духовной жизни. Следуют долгие годы расслабленной и рассеянной жизни в миру, откуда он был «вытащен за волосы» Самим Христом.

Тогда начался продолжительный период аскетических трудов в монастыре под руководством духовного отца Симеона Благоговейного: отречение от своей воли, искание смирения и особенно пламенная непрестанная молитва о восстановлении его духовного зрения. Далее, через внутреннее очищение и, как следствие, новое мистическое озарение видением света, прп. Симеон на новом этапе достигает вершины всего: личной, близкой и единящей встречи со Христом, и Христос, беседуя с ним Духом Святым в его сердце, делает все существо его светом. После этого откровения остается только отметить его последствия: невозможность скрывать сокровище, которое есть Сам Христос, необходимость возвещать его другим, быть тем «братолюбивым нищим», который получает милостыню, дабы указать на ее источник. Этот поразительный образ «братолюбивого нищего», получившего от Христа златницу благодати, приившего в своем сердце Самого Христа и призывающего всех бежать и искать единого Милостивого, дает лучшее представление о святой и привлекательной личности прп. Симеона Нового Богослова, как и о его духовном пути и учении. И, чтобы воспользоваться собственными образами прп. Симеона, – его писания действительно являются теми раскрытыми «ладонями», на которых он показывает всем, кто сомневается в возможности личного общения со Христом в этой жизни, золотые монеты своих духовных озарений. Или, как он сам зовет в своих Гимнах: «Да, братья мои, бегите к Нему действиями, да, друзья, встаньте, да, не отставайте, да, не говорите против нас, обманывая самих себя. Не говорите, что невозможно принять Божественный Дух, не говорите, что без Него невозможно спастись, не говорите, что кто-нибудь причастен Ему, сам того не зная, не говорите, что Бог невидим людям, не говорите, что люди не видят Божественного света или что это невозможно в настоящие времена! Это никогда не бывает невозможным, друзья! Но очень даже возможно желающим, но только тем, которым жизнь дала очищение от страстей и соделала чистым око ума».

Неистовый ревнитель

Итак, прп. Симеон был выбран игуменом монастыря св. Маманта в возрасте 31-го года после всего лишь трехлетнего пребывания в монастыре. Маленькая обитель св. Маманта, основанная во времена императора Маврикия, в конце VI века, находилась, согласно свидетельству Никиты, в западной части Константинополя, недалеко от Ксирокеркских врат, ныне Белград Капу. Во времена прп. Симеона она была в очень печальном состоянии. Большая часть зданий развалилась, и, как отмечает Никита, это было «не столько прибежище и стадо монахов, сколько место жительства мирских людей». Немногочисленные монахи, которые еще жили там, страдали от духовного голода и были оставлены без покровительства и духовного руководства. Прп. Симеон немедленно принялся за восстановление развалин. Воистину достойно удивления, насколько удачливым выявил себя этот человек внутренней жизни в такого рода работах материального восстановления и организации. Нас, однако, гораздо больше интересует духовное восстановление монашеской жизни и средства, примененные прп. Симеоном для достижения этой цели. С этой точки зрения Огласительное Слово «О любви», произнесенное прп. Симеоном после избрания его игуменом, может рассматриваться как хорошее изложение его программы. «Братья и отцы, – говорит он, начиная Слово своего рода личным вступлением, – немалая и необычная скорбь владеет мною, что я, смиренный, будучи предпочтен перед другими водить вас, честнейших, которых я скорее должен был сам иметь вождями, как самый последний и по времени (жизни в обители), и по возрасту, не обладаю словом, опирающимся на дело и свидетельствуемым жизнью, дабы утешать вас и напоминать вам о законах и воле Божией. Но я прошу и умоляю всех вас, братья мои, смотреть не на рассеянную мою жизнь, но на заповеди Господни и на учения наших святых отцов». После этого прп. Симеон переходит к главной теме своего наставления, любви. Вся проповедь имеет целью указать монахам, что путь, который ведет в Царство Небесное, есть путь заповедей Христовых, из которых самая главная – любовь. Похвала любви, царице добродетелей, принимает у него черты вдохновенного гимна. Во многих местах яркие обращения к любви, воспринимаемой как личность, производят впечатление мистического экстаза. «Постараемся итак, дорогие мои во Христе братья, служить Богу как всеми добродетелями, так и взаимной любовью, служить и мне, которого вы избрали иметь образцом духовного отца, хотя мне и очень недостает этого достоинства. Дабы радовался бы Бог вашему согласию и совершенству, радовался бы и я, смиренный, видя всегда все увеличивающимся преуспевание вашей жизни по Боге на лучшее в вере... И радость моя становится благословением для вас и прибавлением неразрушимой и блаженной жизни во Христе Иисусе, Господе нашем».

Подлинно, производит впечатление, как прп. Симеон в первом обращении стремится создать личные духовные отношения между собою, как игуменом, и братией. Нелегко было воплотить возвышенные мысли нового игумена в монастыре, где духовная жизнь находилась на достаточно низком уровне. По этой причине прп. Симеон повторно ищет сотрудничества братии в общем деле духовного восстановления. И не перестает побуждать монахов положить начало новой жизни. Одновременно, однако, он подбодряет их тем, что постоянно говорит, как Бог нас любит и как быстро Он нам отвечает, если только мы искренно Его ищем. «Прошу вас, – говорит он, – братья мои, да пробудимся мы наконец и, возбуждая друг друга утешением слова к ревности и подражанию добра, будем бежать со тщанием, будем спешить с охотой и с кипящим произволением». Такого рода побуждения к совместным подвигам особенно уместны во время Великого Поста, когда необходима особенная строгость. «Начало да будет нам, братья, – говорит он, – от сегодняшнего дня, и, сколько у нас есть силы, будем бежать вперед, чтобы, как некие орлы с золотыми крыльями, мы,

легкими, достигли бы Пасхи Господней... Установим же, если угодно, мы сами себе закон общим советом посреди нас, чтобы если двое из нас найдутся, кроме как в субботу и воскресенье, стоящими празднично и ведущими совершенно бесполезные разговоры, да не вкушают они в этот день ничего другого, кроме как сухого хлеба с солью и холодной воды во время обеда, стоя при этом около нижнего конца стола». Решение начать новую жизнь было для прп. Симеона самым важным. Он был убежден, что Бог не замедлит дать ответ на такое решение. «Послушай только меня смиренного, – говорит он одному молодому монаху, – только положи в этом начало, брат, только начни делать и говорить это, и Бог не оставит тебя. Потому что Он сильно тебя любит и хочет, чтобы ты пришел в познание истины и спасся». Или в другом месте: «Воистину возвещаю тебе великую радость. Потому что если ты будешь настойчиво это делать, испытывая жажду, пребывая во бдениях, подчиняясь до смерти и слушаясь без рассуждения и без лицемерия твоего настоятеля, претерпевая также всякую скорбь и обиду, и поношение, и клевету, более того, также и удары, и несправедливости со стороны самых ничтожных собратьев, оставаясь расположенным без памятозлобия и со всякой благодарностью по отношению к ним и молясь о них, радуйся и веселись радостью несказанною. Потому что не только вечером, и утром, и в полдень, но и тогда, когда ты ешь и пьешь, и часто когда разговариваешь, поешь, и читаешь, и молишься, или лежишь на своей постели, этот Божественный и несказанный дар (умиления) будет идти вслед за тобою все дни твоей жизни и будет сопутствовать тебе, утешая и улаживая болезненность от трудов твоих». И прп. Симеон даже объявляет себя поручителем, что Милостивый не оставит грешника, если он обратится к Богу без колебания в своем сердце.

Прп. Симеон хорошо чувствовал трудности своего игуменства, тяжелую обязанность руководить монахами и молил Бога о поддержке, как он об этом пишет в своих Гимнах: «О Боже мой... сделай меня способным великодушно переносить всякое искушение и огорчение жизни. все, что причиняют мне делом и словом немощные из этих моих братьев. Увы мне, потому что мои члены истощают меня, и я снова испытываю боли из-за них. Я, на кого выпал жребий быть главою, влеком ногами и хожу босым, и укалываюсь колючками, и сильно болезную, не перенося боли. Одна из моих ног идет вперед, а другая обращается снова назад. Они тянут меня туда-сюда, тащат меня, мои ноги раздраются, и я падаю на землю. Я не в силах следовать за ногами. Лежать плохо, а ходить настолько хуже, чем лежать, что превосходит все другие несчастья». Его особенно тяготит ответственность за спасение своих братьев: «Что же касается до судьбы братьев, которых я поставлен пасти, какая душа сможет понести, какой ум найдет силы неосужденно проследить настроение каждого в отдельности и без недостатка внести от себя все (нужное), и изъять самого себя от его осуждения. Мне не кажется, что это возможно людям, поэтому я убежден и хочу скорее быть учеником, служа воле одного, слушая слова одного, и дать ответ только за этого единого, нежели служить нравам и желаниям многих и исследовать настроения, и разыскивать намерения и действия, и следить также за мыслями, так как суд ожидает меня и мне предстоит дать ответ за то, в чем согрешили те, пасти которых я один был избран неизреченными постановлениями Бога. Ибо каждый будет судим и во всяком случае даст ответ за то, что он сделал сам, доброго или дурного, а я один дам ответ за каждого. И как я хочу спастись и как быть помилованным, я, который даже для моей одной жалкой души совсем не имею возможности показать спасительное дело?» Однако, он молится быть спасенным вместе со своими учениками: «И с ликами избранных, какими Ты Сам ведаешь судьбами, сопричисли с Твоими учениками, чтобы мы все вместе видели Твою Божественную славу и наслаждались бы Твоих, Христе, неизреченных благ!»

В своем учении прп. Симеон всегда проповедовал возможность мистического единения с Богом в настоящей жизни. Путь, который вел к этому единению, был, конечно, согласно с прп. Симеоном, исполнение заповедей Христовых, тесный и трудный крестный путь, аске-

тические подвиги вообще. В этом отношении прп. Симеон не отличается от древних аскетических писателей. Как и они, он делает ударение на необходимости суровой работы и борьбы прежде получения духовных дарований. Для него, однако, видение Бога не являлось своего рода наградой, даруемой нам за наши добрые дела после смерти, но чем-то, начинающимся уже здесь. Видение Бога составляло для прп. Симеона существенную часть христианской жизни, даже если полнота его могла быть достигнута только в будущем веке. Прп. Симеон постоянно возвращается к этому. Так, он утверждает, что мы начинаем делаться участниками воскресения здесь и сейчас, в настоящей жизни. Здесь также начинаем мы видеть Христа. Такого рода духовное учение о видении Христа в этой жизни занимает особое место в предании греческих и восточных аскетических писателей. Оно, конечно, не противоречит учению древних отцов, поскольку, несомненно, даже внушено древними духовными течениями, как, например, «Духовными Беседами», приписываемыми прп. Макарию Египетскому. Но способ, как оно было проповедано прп. Симеоном, казался необычным и новым. Ударение, которое он ставил на предварении вечной жизни в жизни земной, возможность видеть Бога и сознательно испытывать благодать в настоящей жизни, необходимость включать в духовную жизнь самые возвышенные созерцания, чтобы выполнить общее назначение христианина, все эти черты, которые более или менее находятся у древних аскетических писателей, занимают в проповедях прп. Симеона преимущественное и даже центральное место. Необычное впечатление, производимое учением прп. Симеона, усиливалось еще из-за факта, что Византийская Церковь развивалась тогда в направлении большей регламентации литургических форм, одновременно более торжественных и единообразных. В ту же эпоху мы видим фиксацию церковных праздников и календаря в Месяцеслове императора Василия II. Тогда же Симеон Метафраст переработал и «очищал» Жития Святых для придания им большего единства и устранения шероховатости языка и эксцентричности повествования. Что касается духовной письменности этой эпохи, то на первое место здесь должен быть поставлен прп. Феодор Студит («f 826), великий учитель монашеский и аскетический писатель. Он был, по всей вероятности, первым составителем монашеских Огласительных Слов, и прп. Симеон подражал ему по форме, но литературный стиль прп. Феодора Студита очень отличен от стиля прп. Симеона. Прп. Феодор Студит не был мистическим писателем, нет, он был скорее моралистом. Можно даже сказать, что духовность прп. Симеона была своего рода реакцией против формалистического общежительного строя, который утвердился в Студийском монастыре при преемниках прп. Феодора, когда их великого учителя больше не было в живых. С другой стороны, в Византийской Церкви за последние века не появилось ни одного выдающегося мистического писателя. Можно только указать, дабы описать в общих чертах историческое духовное окружение прп. Симеона, на нескольких созерцательных авторов, хронологически близких к нему, как Илия Экдик (IX–X вв.) или Филофей Синайский. Впрочем, они не оказали никакого влияния на литературное творчество прп. Симеона. Нужно добавить, что ни один из этих писателей не занимал в византийской духовной жизни места, которое может быть сравнимо, даже приблизительно, с центральным, хотя и оспариваемым положением, которое занимал прп. Симеон в X–XI вв. Особого упоминания заслуживает, однако, Симеон Благоговейный, духовный наставник прп. Симеона Нового Богослова, влияние которого на последнего несомненно, но который был, может быть, еще более оспариваем, чем его ученик. Нужно, наконец, иметь в виду, что проповедь прп. Симеона не была специально обращена к лицам, преуспевающим в созерцательной жизни, к пустынножителям и отшельникам, как это бывало с древними мистическими писателями, но к обыкновенным монахам столичного общежительного монастыря с невысоким уровнем жизни, или, как в его более поздних писаниях, к широким христианским кругам. Такое мистическое учение должно было показаться им очень необычным.

Однако наилучшим ключом к пониманию своеобразных черт духовного учения прп. Симеона является сама его личность, его характер как человека и его внутренний опыт как мистика. Тот же отпечаток личности виден во всем, что он делал в качестве игумена и духовного руководителя. Одной из наиболее характерных его черт является сочетание живого чувства собственного достоинства и ясного сознания ответственности. Ведь он, игумен, должен учить своих монахов заповедям Христовым. «Всегда немощный, – писал он, – душою и телом, я хотел молчать и наблюдать только то, что касается меня, до тех пор, пока у меня худшее не будет побеждено и не подчинится лучшему помыслу. Но так как я был избран вами во главу вашего святого Тела, мне необходимо увещать вашу любовь, потому что спасение вашего братства дает мне утешение, что в то время, как я немощствую душой, вы спасаетесь.

Следовательно, и не будучи в состоянии раскрыть рта, я едва смог написать мое слово и напомнить вашему братству, чтобы, как истинные рабы Христовы и братолюбцы, вы молились бы о мне, жалком, так чтобы и я сам спасался бы с вами и, шествуя путем заповедей Божиих, я соводворился бы с вами, моими любимыми братьями».

Прп. Симеон был убежден, что в проповедях и в учении он вдохновляем Духом Святым. При всем сознании своего достоинства, он просто был не в состоянии противиться призыву Духа, и это убеждение придавало много властности и настойчивости его действиям как игумена. «Братья и отцы, – говорит он, например, – мне не следовало бы совсем иметь смелость говорить с вами или занимать место учителя перед вашей любовью. Но так как вы знаете, что подобно тому, как изготовленный мастером инструмент не тогда, когда он сам хочет, но когда меха наполняются воздухом и когда он ритмически ударяется пальцами мастера, тогда он и издает звук и наполняет слух всех самым сладким напевом, так, конечно, следует вам думать, что это происходит со мною, невзирая на ничтожество инструмента».

Но так как такого рода уверения могли быть неправильно истолкованы некоторыми из его слушателей, прп. Симеон считает необходимым объяснить причины, побуждающие его проповедовать и в своих учениях так часто говорить о самом себе и о своих духовных переживаниях. Он хотел сделать своих духовных детей соучастниками его благодатных дарований: «Вот это, братья мои, – пишет он в одном послании своим монахам, – я желал написать не как хотящий добиться славы (ибо безумен таковой и чужд горней славы), но чтобы вы знали безмерное человеколюбие Божие и каковым является легчайшее бремя заповедей Самого Спасителя Христа и Бога нашего, и каково воздаяние дара Его и, чтобы узнав это, вы или возжелали бы достичь Его любви, или бы недостижения ее боялись и ужасались, как вечной смерти». Прп. Симеон выявляет себя во всех своих проповедях и действиях подлинным духовным отцом, нежно любящим духовных детей и готовым пожертвовать всем ради их спасения. «Дайте мне эту похвальбу, – говорит он, – что один только я, низверженный в адскую бездну нерадения, вырвал вас, громко закричав, из сети; и если я и должен много оплакивать мою леность, но мне довольно видеть вас высоко летающими превыше сетей дьявольских». Или: «Да, братья мои, умоляю вас, не презрите моего моленья, но так мне подарите вашу волю, чтобы посредством отречения ее вы начали бы жизнь мучеников и страстотерпцев Христовых, я же от сегодняшнего дня буду вновь и вновь полагать за вас всю мою душу вместе с телом на добровольную смерть».

Эта пламенная любовь и преданность прп. Симеона его духовным детям делала его особенно чувствительным, когда он не находил подобного взаимного расположения со стороны братии монастыря. Говоря вообще, его духовное руководство и наставничество имели значительный успех. Духовный облик монастыря св. Маманта изменился к лучшему. Много новых монахов из всех слоев общества и из различных стран пришли к нему и значительно увеличили братию монастыря, как об этом пишет в житии Никита. Они образовали собою значительную группу преданных и верных учеников. Среди них был даже один бывший епископ из Италии, по имени Иерофей, нашедший под руководством прп. Симеона мир Христов

для своей страдающей души. Среди населения Константинополя прп. Симеон становился все более и более известен. Многие важные лица посещали его, ища духовного руководства. Тем не менее, успехи, как мы скоро увидим, имели свою оборотную сторону. Среди тех, кто пришел к нему, привлеченный его огненной проповедью и святостью, нашлись такие, которые начали проявлять в дальнейшем признаки неустойчивости и захотели покинуть монастырь. Любящее сердце прп. Симеона было, как и можно было ожидать, живо затронуто такого рода намерениями. Это видно из следующих его слов: «Вы пришли к нам с огненной любовью и верою, как мы могли это заключить из ваших слов и лиц, и при этом не принужденные кем-нибудь, но добровольно устремившиеся на это! Обнаружьте мне, если вы истинно меня любите, замысел ваших сердец. Чтобы я узнал не только на словах, но и на деле, что Бог стал с вами и что я не напрасно потрудился. Если же вы этого не хотите, почему вы, придя, причинили мне тяжесть, и отходя – еще более отягощаете? Тяжесть, которая соделовала во мне и неизреченную радость, и беспредельную скорбь, самое странное! Радость, потому что я молюсь о вас и радуюсь, надеюсь иметь вас (своими детьми), скорбь же, потому что я боюсь, как бы вы не были удушены вместе с миром, и, будучи обманутыми им, солжете Христу. И я ужасаюсь и прихожу в иступление, помышляя об этом. И на это истрачивается моя душа, и это не дает мне покоя или радования. И плача об этом и находясь в мрачном настроении, я поистине так хожу».

Из этих слов видно, что некоторые монахи св. Маманта, хотя и были вначале тронуты проповедью прп. Симеона, не были, однако, в состоянии долго следовать его призыву. Между ним и определенной частью братьев видимо создалось отчуждение. Прп. Симеон часто должен был чувствовать одиночество в своей духовной борьбе. Он также страдал, сознавая, что его пастырская любовь не встречает понимания и ответа, на которые он надеялся. Его надгробное Огласительное Слово скончавшемуся брату Антонию выражает эти чувства духовного одиночества и пастырской заботы. «Помни о твоём обещании и не забывай о твоих последних и сладостных словах, молясь о нас, твоих братьях, и о всем твоём роде. Ибо многочисленны наши тяжести, о сладчайший брат, которые отягощают смиренную нашу душу и тело. Из них самое ужасное – одиночество и многие заботы о наших братьях. Ты знаешь, что в этой заботе – я самый неистовый ревнитель». Напряжение между прп. Симеоном и одной, по крайней мере, частью его монахов, как видно, росло. У нас много указаний на сопротивление некоторых монахов монастыря св. Маманта своему игумену. Его личность была для них слишком яркой, и его учение представлялось им превосходящим обыкновенные возможности. Огласительные Слова полны горьких жалоб на непослушание монахов. «Я бываю содержим такую скорбь, – жалуется он, – что мне кажется, что предаюсь самой адской мучке. И я плачу и рыдаю, как уже осужденный. И хотя я умоляю вас, но не бываю услышан. Я делаю замечания, но меня отвергают; упрекаю и бываю ненавидим, наказываю и взаимно бываю наказываемым и изгоняюсь, как враг. И делая все это, не могу найти успокоения. Помышляю прекратить все и смотреть только за моими личными бедами, но когда хочу это исполнить на деле, тогда сердце мое разжигается, как пламя, и я опять, смиренный, оказываюсь в тех же обстоятельствах».

И я болею вашими ранами не менее, чем своими собственными язвами каждый человек. И я опять воспламеняюсь о вас всех и жизнь мою считаю невыносимой». Или такого рода «самокритика»: «Мы обещали быть монахами, а стали худшими, чем мирские люди. Мы дали обет голодать и жаждать и испытывать лишения, а между тем не стыдимся спорить и кошунствовать из-за одного куска хлеба. Мы пришли, чтобы отречься от всех, кто в мире, и не перестаем их даже более питать принадлежащим монастырю хлебом. Мы убежали из мира, как от врага, но мы любим мир более, чем Самого Христа».

Было бы, однако, исторически неправильно видеть в оппозиции против прп. Симеона как игумена одно нерадение и мирской дух монахов, нарушавших правила монашеской

жизни. Другие, более тонкие, разногласия, относящиеся к пониманию духовной жизни, обострили конфликт. Настойчивость прп. Симеона, с которой он призывал следовать в мистике за древними отцами, многим представлялась чрезмерным требованием. Для прп. Симеона, напротив, это являлось необходимым условием христианской жизни. Он считал самой опасной ересью мнение, будто Церковь Божия в настоящее время не обладает той же полнотою духовных дарований, как и в древние времена. Эти дарования, наверное, даются и теперь тем, кто их ищет со смирением и самопожертвованием. Резкое столкновение между прп. Симеоном и частью его монахов стало неизбежным. Двадцать девятое Огласительное Слово ярко отражает это столкновение: «Я о тех говорю, – проповедует прп. Симеон, – и тех называю еретиками, которые говорят, будто нет никого в наши времена и посреди нас, могущего сохранить евангельские заповеди и стать подобным святым отцам. Прежде всего, верными и деятельными, а далее и весьма созерцательными и вместе с тем боговидцами, то есть просветиться и принять Духа Святого и через Него увидеть Сына с Отцом. Итак, те, кто говорят, что это невозможно, обладают не какой-либо частной ересью, но всеми, если это можно сказать, так как эта ересь много превосходит и покрывает все другие нечестием и кощунством. Говорящий это опровергает все Божественные Писания. Эти противники Христа говорят: «Это невозможно, невозможно». И почему, скажи мне, невозможно? А посредством чего святые воссияли на земле и стали светилами в мире? Если бы было невозможным, и они бы никогда не смогли это совершить. Ибо и они были людьми, как и мы. Они ничем большим, чем мы, не обладали, кроме как произволением на благое, старательностью и терпением, и любовью к Богу. Итак, приобрети и ты это, и станет для тебя источником слез каменная сейчас душа. Если же ты не хочешь терпеть скорби и стеснения, то, по крайней мере, не говори, что это невозможно».

Частое упоминание духовных слез как необходимого пути очищения сердца и, через него, видения Бога и единения с Ним, в особенности вызывало насмешку и враждебность противников прп. Симеона. Прп. Симеон утверждал, что дар слез даруется тем, кто его действительно ищет. Он объяснял также, что жестокость сердца и затрудненность слез не является чем-то свойственным определенным натурам, но происходит от нерадения и духовной лености. «Невозможно, – говорит он, – вымыть без воды замаранную одежду, и без слез еще более невозможно отмыть и очистить душу от пятен и осквернений. Не будем выдумывать душевредных и тщетных предлогов или, лучше сказать, совершенно ложных и причиняющих погибель, но взыщем от всей души эту царицу добродетелей (умиление). (Умиление) отмывает сначала от грязи причастников его. Далее, оно омывает вместе с тем и страсти и отмывает их, как бы снимая засохшую кожу с ран. И не только это, но и как некий пламень, обегая кругом, постепенно уничтожает их, сжигая их ежечасно, как колючки, и полая. Все это вместе со слезами, вернее же, – посредством слез, соделовав Божественный огонь умиления. Без умиления же, как мы сказали, ничто из такового ни в нас самих, ни в ком-нибудь другом никогда не произошло и не произойдет». Прп. Симеон постоянно говорит своим монахам о таких сердечных слезах и как они превращают нас в дом Пресвятой Троицы.

В вышеприведенных цитатах можно заметить как бы естественный переход от аскетических предписаний к возвышенным духовным состояниям. Такое органическое сочетание аскетических и мистических тем обычно в духовном учении прп. Симеона. Он никогда не забывал указывать на необходимость аскетической подготовки, но первенствующее значение для него имел таинственный плод Духа. А между тем, как раз ударение на мистическом переживании вызывало вражду многих. 34-е Огласительное Слово «О том, что небезопасно зарывать даваемый нам от Бога талант» дает нам еще раз картину развивающегося конфликта. Оно позволяет почувствовать создавшуюся в монастыре атмосферу. «Что вы в себе подумали, – спрашивает прп. Симеон своих монахов, – о том, чему мы часто учили вас в

различных проповедях? Что вы в себе решили о том, кто смело говорил об этом? Может быть, вы подумали, что мы сказали что-то не находящееся в Божественных Писаниях? Или вы нас скрытно порицали как говорящих чрезмерные вещи? Или вы осудили нас как ораторствующих преувеличенно о себе? Если вы так оказались расположенными к сказанному, то да будет к вам милостив Христос. Я также прошу вашей любви, чтобы никто, впад в такое осуждение, не упорствовал бы в нем». Из этих слов можно видеть, что прп. Симеон был обвиняем, что слишком много говорит о своей собственной духовной жизни и тем самым слишком настойчиво призывает братию своего монастыря следовать тем же путем, что он. Поэтому прп. Симеон чувствовал необходимость объяснить, что если он говорит в таком духе, то только подвигаемый на это любовью к братьям: «Таков, следовательно, братья, образ моего, как некоторые думают, величаваго говорения. Таким образом, любовь к Богу движет меня к вам, моим отцам и братьям, чтобы открыть неизреченную Божию благодать к нам и любовь, из-за которой Он таким образом и в столь великих вещах прославляет независтно тех, кто на Него надеется».

Несмотря на встречаемую враждебность, прп. Симеон продолжал звать находившихся под его руководством монахов к более высокой духовной жизни, устремленной к Божественному озарению. Это был его долг как игумена и его ответственность пред Богом. «Я прошу всех вас, о отцы и братья, постарайтесь стать причастниками такой жизни, которая есть Божественный свет, Сам Дух Святой, освящающий причащающихся Его и соделовающий их богами по положению. И не забудьте столь многих слов, которые я говорил вам. Ибо я не прекратил возвещать вам то, что было мне сказано и извещено, и повелено Господом нашим Иисусом Христом посредством Его поклоняемого и Святого Духа о высоких дарах и благодатных дарованиях собезначального Бога и Отца Его, каковые дарования дает всегда и даже до настоящего времени всем, трудами ищущим причастия в вере, Тот же благой и благодетель наш, Бог».

Развязка этого кризиса известна нам из Жития. Лет через пятнадцать после вступления прп. Симеона в должность игумена монастыря св. Маманта часть монахов, приблизительно тридцать братьев, взбунтовались против него и насильственно прервали его, когда он, по обыкновению, проповедовал в церкви во время утрени. Они устремились на него, как «дикие звери», с намерением изгнать из монастыря. Попытка, однако, не удалась благодаря спокойствию прп. Симеона, который продолжал стоять на своем месте, «непоколебимый» и «слегка улыбающийся» и «светло, но пристально смотря на своих ненавистников». Обаяние его святой личности подействовало даже на них, или, как хорошо говорит Никита, «обитающая в Симеоне благодать удерживала их далеко и отбрасывала».

Можно предполагать, что и большинство монахов не приняли участия в бунте. Как бы то ни было, бунтовщики не посмели тронуть прп. Симеона, но после многого шума и крика выбежали «стремглав» из церкви, выломали запертые ворота монастыря и устремились через весь город в патриархию, куда и представили свои жалобы против игумена и просили о вмешательстве патриарха Сисиния (995–998). Патриарх, однако, после расследования признал правым прп. Симеона и осудил бунтовщиков на изгнание из монастыря. Эта кара была, однако, вскоре отменена вследствие личного ходатайства прп. Симеона, который сделал все от него зависящее, чтобы вернуть всех недовольных. После этого прп. Симеон продолжал оставаться еще десять лет игуменом монастыря св. Маманта. В 1005 г. он отказался от своей должности. Его игуменство продолжалось приблизительно двадцать пять лет.

В оценке результатов деятельности прп. Симеона, игумена, духовного наставника и преобразователя монашеской жизни, можно отметить некоторую двойственность и даже противоречивость. Ему, несомненно, удалось превратить маленький монастырь св. Маманта, находившийся в упадке и наполовину развалившийся, в значительный духовный центр, где процветала святость, отовсюду привлекавшая к себе христиан. Он привнес

новую жизнь и создал духовное движение, которое в Православной Церкви имеет непреходящее значение. Но оно не было принято всеми и вызвало сопротивление и разделения. Его прекрасная духовная программа, выраженная во вступительном Слове «О любви», не могла быть осуществлена во всей цельности. Вместо того, чтобы вести всех своих духовных детей «во едином уме и в одном сердце» по пути любви Христовой, он должен был упорно бороться против бурной оппозиции. Сам будучи великим мистиком и получив от Бога изобильные благодатные дары, прп. Симеон пламенно желал, чтобы и другие также стали соучастниками тех же божественных дарований. Может быть, он был слишком нетерпелив, когда замечал, что не все были в состоянии за ним следовать. И действительно, для многих его духовный путь видения Бога еще в настоящей жизни представлялся «бременем неудобноносимым».

Тем не менее, прп. Симеон Новый Богослов, духовный отец, полный любви, жертвующий собою для спасения своих детей, был и остается великим духовным обновителем.

В его лице и в его деятельности созерцательное и мистическое течение православной духовности органически сочетается с общежительной и деятельной традицией. Его пламенная любовь и забота о спасении братии, его попечение сделать их участниками тех же даров благодати, которые он сам получил, не позволили ему выбрать и вести отшельническую и безмолвную «исихастскую» жизнь, но вынудили его проходить деятельный путь. Попечение о спасении других лежит в основе всех трудностей, встреченных им в качестве игумена. Это попечение и сделало его «неистовым ревнителем», как сам он говорит в выше цитированном Огласительном Слове.

НОВЫЙ БОГОСЛОВ

Нам остается теперь рассказать о последнем периоде жизни прп. Симеона, после бунта монахов и ухода от должности игумена монастыря св. Маманта. Никита Стифат, ученик прп. Симеона и автор его Жития, сильно настаивает на добровольном характере этой отставки. Духовное состояние монастырского братства, по его рассказу, достигло под руководством прп. Симеона высокого уровня, и глубокое согласие заняло место прежних раздоров. Монашеское стадо «стало другим собранием священных студитов в уставах и делах и в самой скромности и нравах или, лучше сказать, бесплотных ангелов, поющих разумно и служащих горячо Богу. Так расположенный и превзойдя таким образом низость своего тела, блаженный возрастал ежедневно, простираясь на лучшее, и возрастало благодаря ему стадо Христово посредством постригаемых им монахов».

При таком положении единственной причиной, которая могла бы толкнуть прп. Симеона на отказ от управления монастырем, могло быть его пламенное желание и любовь к духовному безмолвию. «Но его сильно огорчали, – продолжает свой рассказ Никита, – дела и забота о них, отрывая его от прекрасного и любимого безмолвия. Движимый Божественным Духом, он думает позаботиться по древнему обычаю об общежитии и о учениках и устроить впредь для себя пребывание вне беспокойств и наслаждаться снова, как и раньше, любимым безмолвием... Итак, с одобрения патриарха Сергия II (1001–1019), он добровольно отказывается от игуменства, а вместо себя поставляет игуменом своего ученика Арсения, способного пасти стадо Христово». Но сам остается, однако, в монастыре, смиренно подчиняясь новому игумену. «Самому же себе отделяет один угол». «От этого времени его ученик Арсений берет на себя заботы об общежитии, а пастырь и учитель всех в монастыре предается безмолвию наедине». Затем, согласно Никите, прп. Симеон произносит прекрасное наставление новому игумену и всем братьям монастыря, в котором научает их обязанностям монашеской жизни и послушанию настоятелю. Это поучение сохранилось в качестве 18-го Огласительного Слова прп. Симеона.

Вопреки этому оптимистическому свидетельству Никиты о духовном состоянии монастыря св. Маманта и об общем уважении, коим пользовался в это время прп. Симеон, дальнейшие события показали, что его личность и духовное учение продолжали встречать упорную оппозицию в церковных кругах Константинополя. На этот раз, однако, оспаривание пришло извне, со стороны высшей церковной иерархии в лице бывшего митрополита Никомидийского, синкелла Стефана. Вот как характеризует его Никита, не имевший к нему, однако, особой симпатии: «Был некий Стефан, председатель в митрополии Никомидийской, Стефан (сын) Алексины, муж, превосходящий многих словом и знанием, и сильный не только у патриарха и императора, но и способный дать всякому спрашивающему разрешение (трудностей) относительно новых вопросов благодаря широте образования и благоподвижности языка. Он отказался от епископского престола по неясным причинам, ведомым ему и Богу, и пребывал всегда с патриархом, и пользовался у всех большой известностью за свое знание».

Более того, это была политическая и даже дипломатическая личность, как можно видеть из того факта, что император Василий II послал его в 976 году в качестве своего представителя, чтобы убедить мятежного генерала Варду Склироса отказаться от мятежа. Он был выбран, по свидетельству летописца Кедрина, как «ловкий примирять и смягчать привлекательностью своих слов самые неукротимые натуры». (Впрочем, он не преуспел в своей миссии.) Что же касается его богословской учености, она была неоспорима, но весьма отлична от богословия прп. Симеона, и это было, вероятно, главной причиной их столкновения. Столкновения между книжным, схоластическим и оторванным от духовной жизни

богословием, но, тем не менее, формально православным и консервативным, и богословием, сознающим себя выражением Божественного Духа, подчеркивающим непостижимость и тайну Бога, а также Его откровение в мистическом опыте святых, и отрицающим право говорить о Боге лицам, не обладающим Духом Святым. Богословием, всецело признающим авторитет Писания и Отцов, но для которого это внутренний авторитет, постигаемый только в свете Духа. Три Богословских Слова прп. Симеона, написанные в период споров между ним и Стефаном, хорошо отражают духовную атмосферу этого конфликта, хотя прямо о нем не говорят. Конфликта скорее духовного, чем догматического, и не выходящего из рамок Православия.

Для Никиты, однако, объяснение конфликта было более простое: это была зависть Стефана, который не мог вынести, что слава прп. Симеона как богослова была больше, чем его, несмотря на всю его ученость. Вот что, по убеждению Никиты, было первопричиной ссоры, возбуждаемой Стефаном против прп. Симеона. «Блаженный Симеон, – пишет Никита, – обладающий истинным ведением духовным, был любим всеми людьми тогдашнего времени, и наслаждались все и удивлялись его знанием, и он почитался всеми людьми не только как мудрый духом, но и как святой. Дошло это до слуха упомянутого человека, а он, как много о себе думающий и выше всех других себя считающий, насмехался над известностью святого и порицал тех, кто говорил о знании его, называя святого неучем и совершенным дикарем и невеждою, неспособным и слово пикнуть в присутствии мудрых людей, умеющих произносить тонкие суждения о ученых предметах». Случилось, что оба человека однажды встретились в патриархии, и синкелл Стефан воспользовался случаем, чтобы поставить прп. Симеону трудный богословский вопрос, надеясь поймать его в ловушку и таким образом выявить его невежество. «Немного времени прошло, – рассказывает Никита, – и святой встречается в верхнем этаже патриархии с синкеллом, и тот говорит ему, надев личину друга: «Здравствуй, благоговейнейший господин Симеон, знаменитый знанием вместе с благоговением и ученостью». И как прп. Симеон отвечает ему в том же тоне иронической вежливости, Стефан ставит ему вопрос: «Как, скажи, разделяешь ты Сына от Отца, умственным различием или действительным?» Этим лукавым вопрошанием своим, – комментирует Никита, – он заранее приготовил так, что если тот что-нибудь скажет, предпочтет одно другому, так как вопрос имел двусторонние опасности, Симеон поскользнется, как якобы невежда, и вызовет против себя много осуждения и смеха, избалованный при первом же нападении, и его восхвалителям станет очевидно его невежество».

Но прп. Симеон не был человеком, которого легко поймать в ловушку. Ответив: «Вам, архиереям, было дано знать тайны Божии, о премудрейший владыко. Тебе поэтому следовало бы посвятить нас в тайну познания таких предметов», – он обещает синкеллу дать письменный ответ на следующий день. «Что мне должно ответить. (Бог) может мне дать благодатью Духа, когда я сам возвращусь в мою келлию и письменно изложу, и пошлю тебе». Никита рассказывает далее, что прп. Симеон по возвращении к себе начал писать свой ответ и «разжегшись сердцем Божественным огнем, составив свой труд в свободных стихах по способу поэтов», разрешил трудности вопросов Стефана и послал ему свой ответ. Этот ответ прп. Симеона сохранился, это его 21-й Гимн. Прп. Симеон опровергает в нем сначала предпосылки вопроса Стефана, объясняя истинный смысл троических различий в Боге, неразделимом в Себе и едином по природе. «Бог, – говорит он, – сосуществующий по природе, предбезначальный с Богом собезначальным, Сыном и Словом, из Тебя рожденным, разделяемым от Тебя не умственным разделением, но действительным, причем Ты остаешься нераздельным. А если и разделяется, то не по природе, а скорее по ипостаси, то есть Лицу, потому что (говорить) «действительным разделением» свойственно нечестивцам и безбожникам, а «умственным разделением» всецело омраченным. Ибо Ум обладает рождаемым Словом, непрестанно всячески и неким образом отделенным. А если Он рождается и происходит

подлинно, и отделен ипостасным Словом, но остается внутри Родившего, что следует мыслить Отеческим Лоном, и исходит во весь мир и все наполняет всецело без Отца и Сам весь пребывает со Отцом. Во всяком случае Он приобщается Своими действиями и мыслится как приходящий осиянием».

Прп. Симеон не ограничивается, однако, этим, совершенно православным, изложением троичного догмата о единстве Божественной природы, ипостасных различиях и «энергиях», которыми Бог обнаруживает Себя, но, увлеченный вдохновением, посвящает большую часть своего письма полемике против тех, кто, как, по его мнению, синкелл, смеют богословствовать, не обладая Духом Божиим. Прп. Симеон пишет, что «Всесвятой Дух, исшедший неизреченно от Отца, был послан через Сына людям, не неверным, не любящим славу, не ораторам, не философам, не изучающим эллинские сочинения, не незнающим наши Писания, не тем, кто выступал на сцене жизни, не говорящим изошренно и обильно, не получившим великие имена, не тем, кому случилось быть любимыми прославленными людьми», – (намек на синкелла совершенно ясны), – «... но бедным духом и жизнью, чистым сердцем и телом, стяжавшим простое слово, и более простую жизнь, и еще более простой образ мысли». Только Духом Святым, а не при помощи науки, приобретает познание Св. Троицы. «Таковые, – говорит он, – имеющие учителем Духа, не нуждаются в научении от людей, но, освещаемые Его светом, видят Сына, созерцают Отца и поклоняются Троице в Лицах, единому Богу, неизреченно соединяемому по природе». Более того, синкелл, видимо, не знает, как видно из его вопросов, что «тварь не может понять Создателя». И прп. Симеон обращается к митрополиту Стефану со следующим патетическим призывом: «Прекрати, человече, содрогнись, смертный по природе, и помысли, что, несуществующий, ты был произведен в бытие... Взыщи Духа, будь вне мира!.. Может, Бог будет умолен и даст, как прежде давал видеть мир, и солнце, и дневной свет, так и теперь удостоит осиять и указать тебе умный мир и осветить тебя трисолнечным светом».

Неудивительно, что такой ответ прп. Симеона глубоко не понравился синкеллу Стефану и рассердил его, тем более что прп. Симеон пишет о вопросах, на которые синкелл не просил его отвечать, и считает для себя дозволенным учить синкелла духовной жизни. Во всяком случае, именно прп. Симеон углубил конфликт и, сверх вопросов личного характера, выявил истинную природу столкновения между двумя типами богословия и понимания духовной жизни. Итак, началась долгая война между митр. Стефаном и прп. Симеоном. Она продолжалась приблизительно шесть лет и закончилась 3 января 1009 года изгнанием прп. Симеона из монастыря.

Как можно заключить из этих дат, трения между синкеллом и прп. Симеоном должны были начаться за два года до отставки последнего от игуменства и, вероятно, повлияли на его решение. Не имея причин напасть на прп. Симеона ни на догматическом, ни на нравственном уровне, синкелл Стефан избрал в качестве предлога для своего враждебного вмешательства тот факт, что прп. Симеон, по своему личному почину, с большой торжественностью праздновал в монастыре память своего покойного духовного отца (скончавшегося около 986–987 гг.), который еще не был официально признан Церковью святым. Само по себе это обстоятельство не было столь необычным, как может показаться нам, так как официальная канонизация святых была еще мало известна, во всяком случае, не обязательна в ту эпоху. Признание святости было обыкновенно простым следствием существующего народного почитания. Как бы то ни было, патриарх Сергей II, услышав об этих празднествах, «послал за святым и расспросил его о том, что слышал». Но, получив от прп. Симеона сведения о жизни и писаниях его духовного отца, одобрил празднование его памяти в монастыре. «С большими похвалами (патриарх) отпустил (прп. Симеона), побудив его напоминать ему во время празднования памяти (его) отца, так чтобы и он мог бы предоставить восковые свечи и благоухания и тем выразить свое почитание святого. Это происходило в течение

шестнадцати лет». Однако Стефан начал нападать на личность Симеона Благоговейного, подвергая сомнению его святость и клеветая на него, как на грешника.

Стефан нашел сочувствующих при патриаршем дворе и даже среди некоторых монахов св. Маманта – доказательство того, что он не был одиночкой в церковной иерархии и что разделения продолжали существовать в монастыре прп. Симеона.

«Затем, – рассказывает Никита, – (Стефан) воздвигает неких церковных людей, а они – других из ограды прп. Симеона, и принуждает их вопиять против него за почитание и торжества духовному отцу. Итак, они вопияли и говорили беззаконие против праведника, а он (Стефан) воздвигал свои уста на небо, и язык его дошел до слуха архиерея, а он говорил неправду в высоту святого синода». Однако, как рассказывает Никита, «патриарх и архиереи святого синода затыкали уши в течение двух лет, не давая завистливому голосу места для входа, потому что им было стыдно выразить порицание самим себе, так как одни из них благоуханиями и свечами ежегодно воздавали честь святому, а большинство из них по своей воле приходили на праздник отца». «Таким образом, как обстояли дела, происходило некое сражение между истиной и ложью», но, в конце концов, «зло победило».

«Непрерывностью своей клеветы синкелл надоел патриарху и архиереям, и они настаивают, чтобы он дал какой-нибудь предлог для обвинения против святого, так чтобы приговор против него, которого тот добивался, не был лишен основания». Синкелл Стефан нашел его в некоторых чертах духовности Симеона Благоговейного, о которых мы будем говорить более подробно в нашей главе о бесстрастии. Вот что пишет Никита в Житии: «(Симеон Благоговейный), предварительно умертвив крайним бесстрастием плоть, еще при жизни совершенно увядил природные ее движения и, как мертвец по отношению к мертвецу, имея чувство к приближающимся к нему телам, надевал личину чувственности, прежде всего желая скрыть свое сокровище бесстрастия, далее, чтобы вытащить из глубины погибели некоторых долу лежащих, незаметным образом этой приманкой». Синкелл хватывается за этот способ чудной ловли, как за предлог для благовидного обвинения, и выдвигает его в синоде, говоря: «Своего духовного отца, сущего грешника, он воспеваает как святого вместе со святыми!» Прп. Симеона вновь вызывают в синод, где патриарх, хотя и одобряя его деятельность, требует, чтобы тот отказался, дабы успокоить синкелла, надоедавшего ему своими обвинениями против его духовного отца, праздновать его память с такой торжественностью и совершать ее только с монахами.

В длинной речи прп. Симеон защищает память своего духовного отца и, основываясь на Писании и на отцах, говорит о долге почитать святых и тех, кто породил нас духовно. Поэтому он отказывается повиноваться, так как всякое уменьшение почитания духовного отца равнялось бы отречению от него. Начался процесс. «Целых шесть лет, – пишет Никита, – (синкелл) таскал праведника по судам, и так как он восставил против праведника почти всех архиереев и самого, что не должно было бы быть, патриарха сделал его врагом, а были также и из монастыря Симеона диаволы, болевшие против учителя неистовством Иуды; осмелевшие поддержкою самого патриарха и синкелла, они крадут в одну из ночей икону святого отца его Симеона и приносят ее в патриархию». Прп. Симеона снова силою приводят в патриархию, где он защищается, цитируя слова прп. Иоанна Дамаскина о почитании икон. Синкелл «убеждает патриарха и архиереев святого синода выскоблить по крайней мере надпись со святой иконы, а именно: Святой (Симеон). Что и совершивши, они немного приостанавливают его ярость. И таким образом снова судилище расходится, после того как икона была возвращена Симеону».

Преследование, однако, на этом не останавливается: «(Синкелл), смутив патриарха клеветами против этих святых, убеждает его, чего не должно было бы быть, послать уничтожить все святые иконы этого великого отца, где только они были изображены». «Тотчас же, – продолжает свой рассказ Никита, – посылаются люди, дерзнувшие на это ужасное

дело. и топором уничтожают убийственной рукою иконы преподобного отца, один раз бия в неудержимой ярости иконы по главе, другой раз по груди, иногда по животу, или по бедрам, и не ранее останавливаются бить, прежде чем превращают их в пыль. А другие иконы, покрыв сверху сажей и известью, скрывают из вида, в то время как видевшие это монахи и миряне страстно рыдали о совершаемом христианами посреди церкви верных. и не могли обороняться против виновных в такого рода действиях из-за общего с ними имени веры».

На этот раз прп. Симеон признает необходимость защищаться письменно. «Он набирает первую апологию. всего себя приготовив на смерть за доброе дело. Немного времени, и снова мой Симеон приводится от места своих подвигов на судилище. Сражение словами вновь начинается, очень сходное с прежним». Апология прп. Симеона, как нас осведомляет Никита, «читалась посреди святого синода достаточно часов... (епископы), не будучи в состоянии... ослабить силу его слова, встали со своих тронов, с языками, связанными безгласием, заочно осуждают праведника и приговаривают к изгнанию». Приговор патриарха и синода был быстро приведен в исполнение. 3 января 1009 г., как мы уже сказали, «переплывши Пропонтиду близ нашего Хрисополя, увозившие блаженного причаляли свое суденышко у некоего селения, называемого Палукитон, а он не имел с собою никаких совершенно вещей, время же было зимнее. И в пустынном месте, где стоит колонна осужденного дельфина, оставляют святого, покинув его совершенно одного и даже не удостоивши его пищи на один день, эти несочувствующие люди!»

Никита рассказывает, что первое, что сделал прп. Симеон «на этом обрывистом холме», он возблагодарил Бога с радостью за все, что ему пришлось перенести. Далее, «сошедши на подошву холма и найдя там развалины молитвенного дома имени святой Марины, он вошел в него и воздал Богу молитвы девятого часа. Затем, отдавшись сначала маленькому отдыху, он угощает друга синкелла, как ученик Христов, следующим письмом», текст которого Никита воспроизводит. Чтобы сказать правду, под видом смирения и благодарности, оно имеет скорее саркастический характер. Так, во всяком случае, понял его синкелл и, чтобы отомстить, убедил патриарха приказать произвести обыск в монастыре прп. Симеона, чтобы найти там – как объясняет Никита – крупные суммы денег и другие ценности, посредством которых прп. Симеон совершал празднества в честь своего духовного отца. Может быть также, как нам кажется, синкелл искал рукописи прп. Симеона, которые хотел бы конфисковать. Как бы то ни было, служители синкелла ворвались в монастырь св. Маманта, ломая все и захватывая книги и одежды прп. Симеона, не найдя, однако, никакого сокровища. Прп. Симеон пишет тогда синкеллу второе письмо в том же духе иронической благодарности, в котором упоминает, что вот уже семь лет, как он терпит его преследования. Вместе с тем, он умоляет Христа, «Свет мира», даровать ему видеть Его, «имеющему сердце наполненное злами жизни из-за многих скорбей и зависти, причиняемых виновниками моего изгнания или, лучше сказать, моими благодетелями, моими владыками, моими настоящими друзьями, которым вместо злых дай, о мой Христос, благая, вечная, богатая и Божественная».

Прп. Симеон не падает духом от случившегося. Он получает в подарок от своего духовного сына, Христофора Фагуры, молитвенный дом св. Марины, принадлежавший последнему, и устраивает там с его помощью маленький монастырь, где пребывает вместе с одним из своих учеников, последовавшим за ним в изгнание. С другой стороны, многочисленные ученики и почитатели прп. Симеона в столице пришли в волнение. Прп. Симеон послал тогда патриарху книжку, которая была отнесена ему сенатором Генесием, духовным сыном прп. Симеона. Книжка была прочитана на одном из заседаний синода, и патриарх, имевший во всем этом деле слабую и непостоянную позицию или, скорее, потому что он искал прежде всего мира в Церкви, согласился пересмотреть процесс прп. Симеона. Он также считался с общественным мнением. «(Патриарх), взирая на многочисленных и знаменитых людей,

пришедших к нему, и уважая их известность, а также опасаясь, что подробности всего дела дойдут до императора и все закончится сильным для него порицанием, повелевает, чтобы (книжка) была прочитана в синоде. По окончании чтения написанного патриарх говорит властям и ученикам святого: «Что касается меня, преславные, у меня никогда не было дурного подозрения против господина Симеона. Но я не знаю, откуда и какое возникло разногласие между ним и синкеллом, и он выдвигал против него и его отца несметное множество обвинений. А то, что он пострадал с нашей стороны, так он это пострадал не как ошибавшийся в догматах Церкви, но так как держался неизменно своей цели и, почитая отца, не переставал праздновать с блеском, а его обвинители волновались и ежедневно стужали нам, поэтому я удалил его из монастыря и из города. Теперь же, если желает и послушается моих слов, он вновь станет господином своего монастыря, и я его рукоположу, с соизволения всего священного синода, архиереем в одной из высоких митрополий»».

Итак, прп. Симеон был вызван из своего изгнания и встречен в Константинополе толпою почитателей, которые проводили его к патриарху. Патриарх принял его с честью и, намекая о своем намерении возвести его в сан епископа, посоветовал ему вместе с тем больше умеренности. «Возвратись снова в твою обитель, – сказал он, – где ты положил много трудов, а относительно празднования преставления твоего отца и мы не препятствуем. Однако мы убеждаем тебя ослабить немного блеск многодневных твоих торжеств и праздновать с одними подчиненными тебе монахами и с приходящими со стороны вплоть до того времени, когда движимые против тебя завистью или прекратят (свои действия), или перестанут жить и не будут в настоящей жизни. И тогда ты будешь поступать, как тебе угодно и как нравится Богу». Но прп. Симеон категорически отказался уступить настояниям патриарха, оправдываясь при этом, что не он начал этот спор с синкеллом. «Нет, – сказал он, – ничто не отделит меня от любви к моему Христу и к моему духовному отцу. Потому что с тех пор, как я доверил всю заботу игуменства моему ученику Арсению и рассудил, чтобы он вместо меня стоял бы во главе братии, я всецело, находясь там, стал вне дел и моих трудов. И так как я из-за правды был изгнан, я больше другой раз не вернусь туда, пока нахожусь в живых». «Когда патриарх, вопреки всем ожиданиям, услышал это, – продолжает Никита, – он сказал: «Действительно ты, Студит отцелюбивый, господин Симеон, и ты имеешь их упорство, может быть, заслуживающее похвалы, если оно законное». Поэтому (патриарх) кратко высказал свое постановление: «Я говорил, что несколько обрежу твое большое упорство в этом деле, но так как ты все тот же еще и нисколько не изменился, но остаешься недвижимым по отношению к почитанию твоего духовного отца и в верности ему, это кажется мне и всем похвальным и законным, но, во всяком случае, ты показал себя не повинующимся нашим словам. Отныне находишься, где тебе угодно, общаясь то есть со своими учениками и поступая по твоему хотению, не возбраняемый с нашей стороны, вне ли или в этом городе торжественно празднуя и радуясь вместе с друзьями». Сказав так, он отпустил их в мире».

На этом компромиссе, впрочем, довольно выгодном для прп. Симеона, закончился около 1010–1011 гг. его конфликт с синкеллом Стефаном. Мы кратко описали его на основании рассказов Никиты в его житии прп. Симеона, написанном приблизительно через полвека после событий. Никита, впрочем, не является прямым свидетелем, хотя и правдив на свой лад, так как в момент изгнания прп. Симеона ему было менее десяти лет. Тем более интересно и важно дополнить рассказ Никиты тем, что пишет сам прп. Симеон, как он понимает и толкует смысл своей борьбы с синкеллом и его сторонниками. Нужно, однако, прежде всего сказать, что за исключением 21-го Гимна, о котором мы уже говорили, прп. Симеон в своих писаниях прямо не упоминает конкретные события этого конфликта, как, например, инцидент с иконою своего духовного отца и т. д., но указывает на глубокие его причины, относящиеся к различиям в понимании христианской жизни и к его попыткам обновить ее. В этом смысле 4-е Послание, написанное в период духовной борьбы, особенно богато сведениями.

Из него видно, что сам прп. Симеон хорошо сознавал, что он ненавидим и преследуем за учение о духовной жизни. «Но увы, – пишет он, – потому что я говорю об этом (о жизни по заповедям) и проповедую путь спасения, отводящий без блуждания в Царство Божие, я подвергаюсь расследованиям и осуждаюсь, порицаюсь как нечистый всеми людьми, не только мирскими, но и монахами, и священниками, и архиереями из одного подозрения и дьявольского действия, производимого сыновьями непослушания, на отчаяние и погибель избирающих жить благочестиво, я ненавидим даром и перемалываюсь их зубами».

Намеки на процесс прп. Симеона, на клеветы против его духовного отца ясны в этом тексте, но прп. Симеон придает конфликту более широкий смысл. Ненависть против учения прп. Симеона так сильна, что он может объяснить ее только дьявольским действием, хотя без сотрудничества людей бесы бессильны. «Вот я, – пишет он, – как наученный самим опытом, говорю, что если бесы не имели бы сотрудниками своей злобы и лукавства людей, никоим образом, хотя это и смело утверждать, не могли бы они повредить кому-нибудь или удалить от заповеди Божией тех, кто возродился Святым Крещением и таинственно стал сыном Божиим». Прп. Симеон резко нападает на своих гонителей за недостаток духовности: «Одержимые тщеславием и гордостью, – пишет он, – и воображающие быть чем-то, будучи ничем, они делают себя отцами и учителями и считают себя саморукоположенными апостолами, не получившие ни благодати Святого Духа, как те, ни просвещенные светом познания, ни видевшие проповедуемого ими Бога, открывшегося им (апостолам) по Своему неложному обещанию».

Пиша эти строки, прп. Симеон, вероятно, должен был иметь в виду епископов, как синкелл Стефан. Более важно, однако, утверждение, что нужно увидеть Бога, чтобы Его проповедовать. И прп. Симеон обращается к получателю послания, несомненно, епископу, поскольку он называет его «одним из саморукоположенных учителей и присвоивших себе апостольское достоинство без благодати свыше», с просьбой молиться о нем, обвиненном в ереси, потому что он почитает своего духовного отца. «Молись о мне грешном, – пишет он, – ненавидимом за Христа, гонимом за желание мое благочестиво жить во Христе, осуждаемом всеми, потому что один я нахожусь чтущим своего духовного отца и учителя, провозглашаемого ими еретиком, потому что я учу всех взysкивать благодать свыше и сознательно наитие Святого Духа и что без него ни прощение грехов, ни отчуждение от страстей и похотей, ни честь сыноположения, ни освящение совсем не бывают никому никоим образом из смертных». Трудно выразить более ясно существенные черты духовного учения прп. Симеона и сказать вместе с тем, что составляло главную тему спора. Само собой разумеется, противная партия также имела свои позиции, которые считала традиционными и реалистическими и которые состояли главным образом в утверждении, что наша эпоха совершенно отлична от апостольской, что невозможно сейчас подражать апостольской святости и что тот, кто этому учит, гордец или сумасшедший.

В Послании прп. Симеон довольно объективно воспроизводит аргументы своих противников и затем их опровергает. «Он говорит, – пишет он, – что «одно – дела апостолов, а другое – наши. Иначе возлюбил и помиловал их (апостолов) Бог, удостоив их Духа Святого и великих дарований, а иначе расположен к нам. Ибо едва только, – говорит он, – нам кающимся, и злостраждущим, и плачущим (Бог) прощение дает во грехах и спасает, потому что стать, как те или как наши святые отцы, нам теперь невозможно». И сверх этого он говорит, что это не только невозможно, но и смеющих говорить, что это возможно, называет гордыми и хульниками, на которых не должно обращать внимания и совсем не слушать их, но повелевает избегать их». Для прп. Симеона подобные представления о христианской жизни являлись грубым извращением Евангелия, и он считал себя призванным бороться против тех, кто проповедует такие взгляды, с целью восстановить истинно евангельскую жизнь, утраченную в течение веков. «И так как я это говорю, – заключает прп. Симеон Послание, – про-

возглашаю, что таковым стал во Святом Духе мой отец, я осуждаюсь как гордец и хульник всеми, потому что диавол воздвигает против нас своих (слуг) и воюет, чтобы остановить нас повторять (учение) Евангелия и апостолов Христовых словами и исполнять делами, и стремиться обновить как бы обветшавший и почерневший образ евангельской жизни». Таким образом, не только идеал евангельской жизни, но и борьба за ее восстановление является, по прп. Симеону, источником конфликта.

Устроившись окончательно на месте своего изгнания, на этот раз добровольного, прп. Симеон заканчивает реконструкцию обители св. Марины, собирает там свое «весьма малое стадо», покупает при помощи друзей подворье монастыря Евгения и продолжает торжественно праздновать память своего духовного отца. «Почти все духовенство Великой Церкви Христовой (Св. Софии Константинопольской) и многие из монашествующих и мирян» приходили, чтобы принять участие в этих празднествах. В этот период жизни прп. Симеон написал большую часть своих Гимнов, которые начал составлять, еще будучи молодым монахом в монастыре св. Маманта. «Его язык становится огненным языком, и он богословствует «Любовные излияния Божественных Гимнов», и против воли обнаруживает насильственным дуновением Духа то, что видел в божественном откровении, и то, что созерцал, будучи в сверхъестественных видениях. Он излагает, кроме того, и свои апологетические и полемические Слова, столь сильные, и сильно, в силе мудрости, противопоставляет их своим противникам».

Его известность как харизматика, как человека, наделенного даром пророчества и чудотворения, распространялась все более и более и привлекала к нему многих. Никита много пишет об этом в Житии прп. Симеона. В его внешности не было ничего сурового. «Христоподражательно благодоступный всем, мужчинам, женщинам, детям, старикам, молодым, чужим, знакомым, всякому человеку, он входил, по обыкновению опираясь на свой посох, спокойною и тихою походкою». Несмотря на преклонный возраст, он отправился посетить свою родину и отчий дом. Сохранилось описание его последней болезни – рассказ его ученика Никифора Никите, который воспроизводит его в житии. «Когда исполнилось для святого время настоящей жизни и число дней его и их предел стал известен ему, он охватывается последнею болезнью, и постель принимает его болящего. Болезнь эта была истечение желудка, истощающее его сущность и разделяющее на каждое связи соединенных стихий. Лежал таким образом блаженный немало дней, одержимый болезнью, и терял силы, иставивал плотью и ослабевал связями. Его плоть была настолько иссушена болезнью, что он не мог сделать движение сам собою, если мы ему прежде не подавали руку помощи и при помощи некоего приспособления перевертывали сюда и туда. Итак, он находился в таком состоянии, и мы его носили, когда природа принуждала к естественной потребности». Тот же Никифор рассказывает Никите, как, проснувшись однажды ночью, он увидел святого, «которого мы едва при помощи некой машины, сюда и туда передвигая, перевертывали на постели, обессиленного болезнью, висящим в воздухе келлии на четыре локтя от земли или даже более и молящимся своему Богу в неизреченном свете».

После тринадцати лет жизни в изгнании, 12 марта 1022 года, прп. Симеон скончался, предсказав, как рассказывает Никита, день своей кончины и перенесение его останков тридцать лет спустя. «Что вы меня оплакиваете, – сказал прп. Симеон окружающим его, – в пятый индиктион вы меня, умершего, покроете гробом и в пятый же индиктион вы меня снова увидите, выходящего из гроба и пребывающего с вами, меня любящими». «И когда наступил определенный (заранее) день 12 марта, приснопамятный, причастившись пречистых Христовых Таин, как у него был обычай, ежедневно, и аминь сказав, повелел своим ученикам петь надгробные песнопения. Так они пели с возжженными светильниками и слезящимися глазами. Посредине песнопения, скрестив руки и всего себя почтительно собрав и «В руки Твои, Христе Царю, предаю мой дух» тихо и спокойно сказав, прославленный и многостра-

дальний подвижник Христов, радуясь, изошел из терпеливого и многострадального своего тела, и отошел ко Господу. Прилагается таким образом к праведникам праведник, преподобный к преподобным, к богословам богослов, священномученик и исповедник и великий учитель Церкви Христовой к исповедникам и учителям и священномученикам в подвигах исповедания и исцеления». Так рассказывает Никита, который вполне мог присутствовать при смерти прп. Симеона, ему было тогда немного меньше двадцати лет, и он часто его посещал.

Прп. Симеон умер в возрасте семидесяти трех лет. Тот же Никита рассказывает, как произошло перенесение мощей прп. Симеона: «Когда прошли тридцать лет после кончины этого приснопамятного отца, предвозвещается по его пророчеству перенесение его священных останков знаком, неизреченным образом запечатленным. Таким образом, когда окончился пятый индикт, в 6560 (1052) году, переносятся неожиданно его (полные) всякой благодати и благоухания и над землею светящиеся мощи, созывающие многих и своим присутствием освящающие его друзей и учеников».

В последний период своей жизни прп. Симеон выявляет себя прежде всего обновителем христианской жизни, которая в Константинопольской Церкви тех времен пришла в упадок, и большим мистическим писателем, раскрывающим в Гимнах с неслыханной до него откровенностью свою внутреннюю жизнь, жизнь с Богом. Вместе с тем, мы видим в нем неумолимого религиозного борца, агрессивного даже, до неприемлемости заострявшего свои утверждения, когда противники вынуждали его на это, но в действительности только защищавшегося от тех, кто нападал на путь, им избранный, и которому он учил всех. Всегда верный Священному Писанию, обширным и глубоким знатоком которого он был и которое толковал Духом, буквально и одновременно свободно, прп. Симеон был также верен, вплоть до непослушания и восстания против высших сановников церковных, памяти своего духовного отца, Симеона Благоговейного, святость которого была для него доказательством подлинности его собственного духовного опыта. Однако его многократные напоминания, что христианский идеал сознательного единения с Богом еще в настоящей жизни осуществим в наше время, как и в апостольские времена, вызвали резкие столкновения с частью монахов и иерархии, равно как и значительный резонанс в обществе. Нужно, однако, отметить, что прп. Симеон никогда, или почти никогда, не был обвиняем в ереси, еще менее в мессалианстве или какой-нибудь известной древней ереси. В кругах церковной иерархии предпочитали ограничить конфликт дисциплинарным нестроением, опасаясь смут, которые шумное празднование памяти Симеона Благоговейного могло вызвать в народе.

С другой стороны, если у прп. Симеона было много врагов, то еще больше у него было почитателей и учеников, энергично его поддерживавших. Их вмешательство решительно повлияло на благоприятный для прп. Симеона исход борьбы. Короче, обновитель духовной жизни и подлинный мистик, достигший вершин единения с Богом, прп. Симеон по справедливости заслужил прозвание Нового Богослова. Оно, может быть, сначала было ему дано противниками, в уничижительном смысле, как неприемлемое для слуха консервативных византийцев, но его с воодушевлением подхватили ученики прп. Симеона, причем выражение «богослов» понималось ими, как и у большинства греческих святых отцов, не в смысле догматического богословия, выдумывающего новые догматы, но как относящееся к лицу, достигшему вершин созерцания. А прилагательное «новый» означает здесь обновителя апостольской жизни, которая, как он сам говорит, была в значительной степени забыта. Православная Церковь, не разделяя некоторых особенностей и даже, может быть, преувеличений в учении прп. Симеона Нового Богослова, с любовью чтит его святость и вдохновляется его духовными наставлениями, живительными и по сей день. <...>

Обожение

Благодатное обожение, в котором человек, не теряя своего тварного состояния, становится «участником божественного естества» (2 Пет. 1, 4) и богом по усыновлению, есть древняя тема христианской духовности. Для прп. Симеона, как и для древних святых отцов – св. Иринея Лионского, св. Афанасия Александрийского, прп. Максима Исповедника, дабы ограничиться только ими, – это высшее духовное состояние, которого человек может достичь и к которому призваны все христиане. Прп. Симеон Новый Богослов часто говорит о нем в своих писаниях. Для него воплощение имеет свою целью обожение, или, иначе говоря, воплощение – источник обожения: «Бог Слово взял от нас плоть, которой Он по природе не имел, и стал человеком, кем Он не был; передает же верующим в Него от Своего Божества, Которого никто никогда из ангелов или людей не имел, и они становятся богами, кем они не были, по положению и по благодати. Ибо так даруется им власть становиться сынами Божиими; поэтому они и стали, и всегда так же становятся, и никогда не перестанут становиться». Обожение есть, следовательно, постоянный процесс, человек принимает в нем участие соблюдением заповедей, это единственный путь к обожению. «Мысли мне, – говорит прп. Симеон, – тело дворцом, а царским сокровищем каждого из людей душу, которую соединившийся с ней через делание заповедей Бог наполнил божественным светом и ее саму богом соделал через единение и благодать. В это боголепное состояние приходит всякий, шествующий по названному пути добродетелей; пройти же иначе и, минуя то или иное жилище, очутиться в другом посредством какого-нибудь способа совершенно невозможно». Прп. Симеон высказывается в том же смысле, когда говорит об «обожающем смирении». Или, как он сам говорит: «Будем помнить только о заповедях Спасителя Христа, чтобы стать нам богами по положению и благодати». Здесь «по положению» или «по усыновлению» очевидно противопоставляется «по природе» – обычное выражение святоотеческой письменности, имеющее именно это значение.

Обожение есть последствие единения со Христом, действующим совместно со Отцом и Святым Духом: «Удостоившиеся сочетаться с Ним (Христом) и стяжать Его своею главою... становятся и они положением богами, подобными Сыну Божию. О чудо! Потому что Отец облакает их в первую одежду, в одеяние Господа, в которое Он был одет до сложения мира. Ибо сказано: «Те, которые крестились во Христа, оделись во Христа», – то есть во Святого Духа, Который и изменяет всех их боголепно неким странным, и неизреченным, и божественным изменением». Прп. Симеон говорит о том, что человеку возможно «стать сонаследником и сообщником Бога, и не только стать царем, но и богом от Бога, и с Богом веселиться во веки веков». Тут речь идет об обожении еще в этой жизни. В других же местах говорится об эсхатологическом обожении, в котором святые станут подобны Христу. Тогда «при открытии книг совести святых воссияет скрытый в них Христос Бог, как Он воссиял прежде веков из Отца, и святые будут подобны Вышнему». Слава обоженных святых сравнивается с предвечною славою Сына: «Как никогда Отец не будет не знать Сына или Сын Отца, так никогда святые, ставшие положением богами чрез то, что имеют живущего в них Бога, не будут не знать друг друга, но будут видеть славу друг друга и самих себя, как Сын Отца и Отец Сына. Что же и какова будет слава святых? Какова слава Сына Божия». Это будет в будущем веке, но уже сейчас «Он, Бог по природе, беседует с рожденными из Него по благодати богами». Святые «богословски воспевают Того, Кто, богосоделав, изменил их». Однако, можно быть «прельщенными надеждою обожения» и претерпеть падение, как было с Адамом, «перстным человеком». Тем не менее, прп. Симеон призывает всех, в особенности грешников, поспешить к обожению делами покаяния. «Послушайте, – говорит он, – согрешившие, как я, Бога, старайтесь и бегите с доброй силою получить и схватить веще-

ство невещественного огня, а сказав «вещество», я указал тебе на божественную сущность, и зажечь умный светильник души, дабы вы стали солнцами, сияющими в мире, и совсем невидимыми теми, кто в мире, дабы вы стали как боги, обладая внутри вас всю славою Божией». Здесь интересно отметить, что, сначала призывая нас «схватить» божественную сущность, далее прп. Симеон говорит о божественной славе, всецело живущей в нас, когда мы становимся, «как боги».

Прп. Симеон полон восхищения перед чудом явления Бога в человеке и перед тем, что люди принимают божественный облик. «О чудо! – говорит он. – О непостижимый разумом дар благодати! Что во образе Божиим люди бывают и что никем не вместимый Бог образуется в них, неизменный, не переменяемый по природе желает жить во всех достойных, так что каждый имеет внутри себя всего Царя, и само царство, и все, (принадлежащее) царству, и сияет, как воссиял воскресший Бог мой, более, чем лучи этого видимого солнца». Но это состояние – только начало преуспеяния, которое никогда не завершается: «Ибо не будет конца преуспеваю в веках, ибо остановка в росте к бесконечному концу соделала бы постижимым совершенно Непостижимого и пресыщающим Непресыщающего. Но полнота Его и слава света будут бездною преуспеяния и нескончаемым началом».

Как всегда, утверждая сознаваемую реальность обожения еще в этой жизни, прп. Симеон настаивает, что полнота его принадлежит эсхатологической бесконечности.

Выражение св. Григория Нисского, употребляемое здесь прп. Симеоном, хорошо передает метафизический динамизм его духовности. Об обожении после смерти прп. Симеон говорит в следующих строчках: «Ибо если Бог и покоится во святых, но святые живут и движутся в Боге, ходя во свете, как по земле. О чудо! Они будут после смерти, как ангелы и как сыновья Вышнего, боги, сопребывающие с сущим по природе Богом, уподобившиеся Ему по положению». В другом месте прп. Симеон вопрошает Бога: «Как Ты делаешь людей богами?» Посредством благодати, отвечает он сам в другом месте: «Кто, приобретший Христа, нуждается еще в чем-нибудь другом из благ настоящего века? Тот, кто имеет благодать Духа в сердце, разве не стяжал почитаемую Троицу, живущую в нем, освещающую и соделовающую богом?» В обожении человек становится Христом: «Всего меня обновив, всего меня обессмертив, всего меня обоготворив и совершив Христом». Обожение, в котором человек становится богом по благодати и существенно соединяется с Богом, является непостижимой тайной: «Соединившись, – говорит прп. Симеон своему собеседнику, действительному или воображаемому, – как я тебе скажу, Кто есть соединившийся со мною и Кому я соединился? Трепещу и боюсь, что если бы я сказал, ты, не поверив, впал бы в кощунство от неведения. Однако, я и Тот, с Кем я соединился, стали едины, кем же я самого себя назову? Бог, будучи двойным по природе и единым по ипостаси, соделал меня двойным. Соделав же двойным, дал мне, как видишь, и двойные имена. Посмотри на разделение! Я – человек по природе, бог же по благодати. Посмотри, какую благодатью я называю единство с Ним чувственно и умно, существенно и духовно».

Обожение совершается посредством покаяния и приобщения обоженного Тела Христова. Обожение всего человека, тела и души, несказанным образом происходящее при приобщении Телу и Крови Христовой. Человек при этом всецело изменяется и, погруженный во свет, приобретает божественный ум. Дух Святой, делая нас нетленными, обожает нас, если мы подражаем Христу: «Тогда Создатель пошлет Божественного Духа, я не говорю тебе – другую душу, чем та, которую ты имел, но Духа, говорю тебе, от Бога (исходящего), и Он вдохновит, и будет обитать, и существенно вселится, и просветит, и осияет, и переплавит всего, и тленного сделает нетленным, и обновит обветшавший дом, я говорю о доме твоей души. Вместе с нею Он соделает нетленным и все тело всецело, и соделает тебя богом по благодати, подобным Первообразу».

Так как обожение является следствием воплощения, то ясно, что до пришествия Христа оно не могло осуществиться. «Ибо кто от века, – говорит прп. Симеон, рассказав о тех, кто через приобщение к Небесному Хлебу стал небесным и нетленным, – стал таковым, говорю тебе о сыновьях Адама, прежде чем сошел с небес Владыка всех небесных и земных? Этот воспринял нашу плоть и дал Божественный Дух... и Он подает нам все это, как Бог». То, что происходило в Ветхом Завете, было только символом и прообразом, как, например, Енох и Илия. «Так те (ветхозаветные события) являются только символом и образом этих (новозаветных), обладающих несравненным превосходством и славою, насколько несозданное превосходит по природе созданное». Действительность воплощения и то, что мы облеклись во Христа при крещении, есть ручательство реальности обожения человека. Это состояние сознательное, но явное только Богу и тому, кто обожен, для других же невидимое. «Но если (Слово), – говорит прп. Симеон, – стало действительно Сыном Человеческим, то Оно, несомненно, вправду делает тебя сыном Божиим; если не стало Оно в воображении телом, то и мы всячески не в мысли (только) дух, ибо, крестившись, я одеялся во Христа, не чувственно, но во всяком случае умно. И как не бог по благодати и положению, чувством, знанием и созерцанием тот, кто оделся Сыном Божиим? Если в неведении Бог Слово стал человеком, тогда и мне в неведении (следует) стать богом. Ибо как Бог родился без изменения человеком в теле и явился всем, так Он неизреченно рождает меня и делает богом меня, оставшегося человеком. И как Он, видимый плотью, не узнавался множеством народа, что Он есть Бог, так и мы, в том, в чем были людьми, всеми, о чудо! видимы, а в том, чем стали благодатью Божией, обыкновенно не видимы для большинства. Только тем, кто обладает очищенным оком души, мы являемся, как в подозрной трубе, а для нечистых ни Бог, ни мы невидимы, и нам не верят никогда, что мы стали таковыми».

Обоженные видят их Отца, Бога: «Ибо Он сверхсущный, прежде несозданный, воспринял плоть и явился мне тварным, Сам обожив меня всего, странно воспринятого. Итак, если Бог, став человеком, обожил меня, воспринятого человека, то я, став богом по положению, вижу Бога по природе, Того, Кого никто никогда из людей не смог видеть. Следовательно, приявшие Бога делами веры и ставшие богами, рожденные Духом, видят Его Самого, своего Отца, присно живущего в неприступном свете. Они имеют Его живущим постоянно в них самих и сами живут в Нем, совершенно неприступном».

В заключение можно сказать, что обожение является состоянием полного преобразования человека, совершаемого Духом Святым, когда человек идет по пути заповедей Божиих, приобретает евангельские добродетели и становится участником страданий Христа. Дух Святой дарует тогда человеку божественный ум и нетленность. Человек не получает новой души, но Святой Дух существенно соединяется со всем человеком, душою и телом, делает его сыном Божиим, богом по положению, однако человек при этом не перестает быть человеком и созданием, даже если ясно видит Отца. Он может одновременно именоваться богом и человеком. Воплощение является основой обожения, будучи также его целью. Обожение стало возможным, когда Слово стало плотью, восприняло наше человечество и дало нам Свое Божество и когда человек оделся во Христа в крещении. Обожение совершается, прежде всего, причащением божественных Тела и Крови Христовых, и служители Евхаристии особенно обожаются. Будучи сознательным духовным состоянием, явно ощущаемым теми, кто его испытывает, обожение навсегда остается страшною тайной, превосходящей человеческий разум и не замечаемой большинством людей. Исключительно редки те, кто его достигает, хотя все крещенные к нему призваны. Это их вина, если они сами себя обожения лишают.

Внезапное и радикальное преобразование человека, внутреннее и духовное по характеру, но захватывающее всего человека в целом, называется прп. Симеоном разными име-

нами – духовным рождением, мистическим воскресением, крещением Духом, обожением, наконец, причем нельзя ясно определить, в чем эти состояния отличаются друг от друга.

Обожение, однако, представляется наиболее сильным и последним понятием, относящимся скорее к онтологическому изменению в человеке, а не только к чисто духовному, хотя при этом оно не включает в себе утверждения, что человек теряет природу тварного существа, становясь богом по усыновлению. Кроме того, прп. Симеон различает три стадии обожения: во время земной жизни – на чем прп. Симеон особенно настаивает, – после смерти, в потусторонней жизни, и во всеобщем воскресении. Последнее есть бесконечное восхождение к полноте, которая никогда не достигается. Вообще обожение есть часть спасительного Божиего Дела, его цель, и о нем трудно говорить, не касаясь других проявлений спасительных Дел Божиих.

Заключение

Работа наша завершена, но мы опять стоим перед теми же недоуменными вопросами: кем был прп. Симеон, что означает в точности его прозвание «Новый Богослов»? Как такая личность могла появиться в Византийском мире? Откуда он духовно происходит и каково его место в православной духовности и в Православии вообще? Ибо подлинно и безупречно православный, никогда не осужденный за какое-либо духовное или догматическое уклонение, он не был, однако, православным, «как все». Это очевидно для всякого, кто входит с ним в духовное соприкосновение. И почему этот великий святой и в то же время замечательный писатель, гениальный, сказали бы мы, несмотря на неровности его литературного творчества, был долгое время оспариваем, потом почти забыт или даже изуродован, почему его место в церковном календаре сведено до минимума, служба ему составлена только в XVIII веке? Даже если допустить, что могла существовать более древняя служба, то тот факт, что в ходе веков она была утрачена, значит достаточно много. Тем не менее, прп. Симеон всегда имел горячих почитателей и учеников, его рукописи постоянно, пусть немногими, переписывались, особенно в XIV веке, в частности, на Афоне (хотя популярность прп. Симеона часто основывалась на писаниях, в действительности ему не принадлежавших, как, например, «Слово о трех образах молитвы»). Да и в наши дни благочестивые и традиционно православные с мистической настроенностью, а также образованные люди, ищущие духовного обновления, привлекаются красотой писаний прп. Симеона. Коротко говоря, прп. Симеон всегда остается живою действительностью, и все ученые диссертации, как бы необходимы они ни были, не сумеют сделать из него музейный экспонат, представляющий интерес только для специалистов. Однако мало кто способен в наше время, как и в его эпоху, вполне принять духовное учение прп. Симеона о сознательном видении Бога в этой жизни как необходимым для спасения и доступном для всех. Духовная требовательность прп. Симеона, постулат абсолютной верности евангельским заповедям в наши дни встречают ту же реакцию, что и у его современников: «Это невозможно!»

Духовная битва «за» и «против» прп. Симеона продолжается, хотя никто как будто бы не оспаривает его значительности и искренности. Нужно, однако, иметь в виду, что в требовании достижения высоких мистических состояний, видения света прежде всего, прп. Симеон менее категоричен, чем кажется на первый взгляд. Вообще у прп. Симеона немало здравого смысла, даже умеренности, как, например, можно видеть из его осторожного и сдержанного отношения к экстатическим явлениям. Кроме того, как раз это чувство (что цель христианской жизни – видение Христа во свете – еще не достигнута) может, в глазах прп. Симеона, стать спасительным, ибо покаяние и слезы, которые оно порождает, быстро приводят к состоянию «духовного опьянения». Божественная же любовь является вершиной всякого совершенства и плодом обожающего Святого Духа.

Понятно, что больше всего нас интересует у прп. Симеона его непосредственный мистический опыт, но он неотделим от всей его богословской установки. Поэтому мы и захотели в этой работе дать подобающее место его богословской мысли, показать все богатство созерцания Бога и Его действий. Показать, кроме того, внутреннее единство его умозрения, которому не мешает отсутствие какой-либо систематизации, которое существует даже вопреки некоторым видимым противоречиям и известной расплывчатости в формулировках. Но это единство, если можно так выразиться, диалектическое.

В центре созерцания находится тайна спасения человека, от сотворения мира до второго пришествия и всеобщего воскресения. Все едино и неразрывно связано в спасительных действиях Святой Троицы, но воплощение все же занимает основное место в богословском видении прп. Симеона, о нем он говорит чаще всего. Оно является главным источником обо-

жения человека, оно также основа Евхаристии, которая получила у прп. Симеона то место в монашеской жизни, которого не имела у древних аскетических писателей.

Человек Духа Святого, о Котором он обильно, более предшественников, писал, прп. Симеон является тем не менее самым христоцентричным из всех греческих отцов. Для прп. Симеона Христос действительно является всем. Он нашел новые, поразительные выражения своей нежной и восторженной любви к Нему, он сумел найти неслыханные слова, описывая переживания видения божественного света. Драматический характер обладания и потери Божественного в сердце человека также описывается прп. Симеоном с силою, редко встречающейся у других отцов. В богословских рамках воплощения можно лучше всего понять несколько озадачивающие и вместе с тем реалистические пассажи прп. Симеона о человеческом теле и его частях, а также несколько смелые «брачные» образы в текстах о бесстрастии и описаниях божественного эроса, смущавшие некоторых в его время и еще смущающие теперь. Является ли это причиной сдержанности, проявленной по отношению к прп. Симеоноу церковной иерархией, поэтому ли ему отводится столь скромное место в официальном богословии? Мы этого не думаем. Во всяком случае, это недостаточное объяснение. Скорее, его необычайная личность, мистическая и вместе с тем воинственная, его апостольское рвение проповедовать видение Бога всем христианам, все это было слишком для спокойных людей, и они предпочитали забыть о прп. Симеоне. С другой стороны, прп. Симеон жил слишком поздно, и вследствие этого ему трудно было приобрести авторитет отца Церкви. Так, например, св. Григорий Палама, относившийся к нему с симпатией и почитанием, все же не цитирует его среди других святоотеческих авторитетов. Его духовное богословие, гораздо более систематическое, чем богословие прп. Симеона, также могло содействовать оттеснению последнего на второй план. Но для нас прп. Симеон навсегда останется человеком глубокого личного мистического опыта, сумевшим притом потрясающим образом его выразить. Его значение несравненно и непревзойденно в православной духовности всех времен. Мы восхищаемся также замечательной свободой его духа, умеющей, однако, сживаться с аскетическим и догматическим преданием Православия.

Народная греческая пословица говорит: «У бедного святого нет славословия». Можно было бы сказать, что правда этой пословицы подтверждается на примере прп. Симеона Нового Богослова двояким образом: буквально, поскольку его место в церковных торжественных службах очень скромно (никогда ни один храм не был посвящен его имени); духовно, потому что он всегда остается тем «братолюбивым нищим», о котором говорит в своих Огласительных Словах и который дарит нам свои «златницы», свои вдохновенные писания.

Архиепископ Василий (Кривошеин)

Житие преподобного Симеона Нового Богослова

Составлено учеником его Никитою Стифатом (в сокращении)

Преподобный Симеон родился в Пафлагонском селении Галате от родителей знатных и богатых. Имя отцу его Василий, а матери Феофания. Из детства обнаруживал он как большие способности, так и нрав кроткий и благоговейный с любовью к уединению. Когда подрос, родители отослали его в Константинополь к родным, не последним при дворе. Там он отдан был в научение и скоро прошел так называемые грамматические курсы. Следовало переходить в философские, но он отказался от них, боясь увлечься во что-либо непотребное по влиянию товарищества. Дядя, у которого он жил, не приневоливал его, но поспешил вести его на служебную дорогу, которая есть сама по себе довольно строгая наука для внимательных. Он представил его царям-самобратиям Василию и Константину Порфирородным, и те включили его в чин царедворцев.

Но преподобного Симеона мало занимало то, что он стал одним от царского синклита. На иное устремлялись его желания и к иному лежало его сердце. Еще во время учения он спознался со старцем Симеоном, которого звали Благоговейником, часто бывал у него и во всем пользовался его советами. Тем свободнее и вместе тем необходимее было делать ему это теперь. Искренним его желанием было поскорее посвятить себя мироотречной жизни, но старец уговаривал его поиметь терпение, ожидая, пока созреет и глубже укоренится сие благое намерение его, потому что он был еще очень молод. Советами же и руководством не оставлял его, подготавливая его постепенно к иночеству и среди мирской суетности.

Преподобный Симеон и сам по себе не любил поблажать себе, и при обычных трудах самоумерщвления все свободное время посвящал чтению и молитве. Старец снабжал его книгами, сказывая, на что особенно должно в них обратить внимание. Однажды, вручая ему книгу писаний Марка Подвижника, старец указал ему разные в них изречения, советуя их обдумать повнимательнее и по ним направлять свое поведение. В числе их было и следующее: если желаешь иметь всегда душеспасительное руководство, внимай своей совести и неотложно исполняй, что она будет внушать тебе. Это изречение преподобный Симеон принял к сердцу так, как бы оно исходило из уст Самого Бога, и положил строго внимать и слушаться совести, веруя, что, будучи гласом Божиим в сердце, она внушает всегда одно душеспасительное. С этих пор он весь предался молитве и поучению в Божественных Писаниях, бодрствуя до полуночи и питаясь только хлебом и водою, и их принимая лишь столько, сколько нужно для поддержания жизни. Так более и более углублялся он в себя и в область Божию. В это время сподобился он того благодатного просветления, которое сам описывает он в слове о вере, говоря будто о другом некоем юноше. Тут благодать Божия дала ему вкусить полнее сладость жизни по Богу и тем пресекла вкус ко всему земному.

После сего естественно было обнаружиться в нем сильному порыву к оставлению мира. Но старец не судил благом удовлетворить тотчас сему порыву и убедил его еще и еще потерпеть.

Так прошло шесть лет. Случилось, что ему нужно было отлучиться на родину, и он пришел к старцу принять благословение. Старец хоть и объявил ему, что теперь время бы вступить в монашество, однако ж не удерживал его от побывания на родине. Преподобный Симеон дал слово, что как только возвратится, так оставит мир. На дорогу в руководство взял он себе «Лествицу» св. Иоанна Лествичника. Прибыв на родину, он не увлекался делами житейскими, а продолжал ту же строгую и уединенную жизнь, к чему домашние порядки давали большой простор. Там вблизи была церковь, а подле церкви келлия и недалеко от нее кладбище. В этой келлии он затворился – молился, читал и предавался богомыслию.

В одно время прочитал он в святой «Лестнице»: нечувствие есть омертвление души и смерть ума прежде смерти телесной, – и возревновал навсегда изгнать из души своей эту болезнь нечувствия. С этой целью выходил по ночам на кладбище и там усердно молился, размышляя вместе о смерти и будущем суде, равно и о том, что стали теперь умершие, на гробах которых он молился, умершие, бывшие живыми подобно ему. К этому приложил он пост более строгий и бдение более длительное и бодренное. Так возгревал он в себе дух жизни по Богу, и горение ее держало его постоянно в состоянии сокрушенного умиления, не допускавшего нечувствия. Если случалось, что подходило охлаждение, он спешил на кладбище, плакал и рыдал, бия себя в грудь, и не вставал с места, пока не возвращалось обычное умиленное сокрушение. Плодом этого образа действия было то, что образ смерти и смертности так глубоко напечатлелся в его сознании, что как на себя, так и на других он не иначе смотрел, как на мертвых. От этого никакая красота не пленяла его, и обычные движения плотские замирали при самом появлении своем, будучи пожигаемы огнем сокрушения. Плач сделался пищею для него.

Пришло, наконец, время возвратиться в Константинополь. Отец просил было его остаться дома, пока проводит его на тот свет, но увидев, куда стремилось пламенное желание сына, с любовью и охотным благословением простился с ним.

Время возвращения в Константинополь было для преподобного Симеона временем отречения от мира и вступления в обитель. Старец принял его с отеческими объятьями и представил игумену своей обители Студийской, Петру; но тот обратно отдал его на руки старцу же сему, великому Симеону Благоговейнику. Приняв юного инока как залог Божий, старец ввел его в одну небольшую келлию, похожую более на гроб, и там начертал ему порядки тесного и прискорбного иноческого жития. Он говорил ему: смотри, сын мой, если хочешь спастись, ходи в церковь неопустительно и там стой с благоговейной молитвой, не обращаясь туда и сюда и не заводя ни с кем бесед; не ходи из келлии в келлию; не будь дерзновен, храни ум от блуждания, внимая себе и помышляя о грешности своей, о смерти и суде. – В строгости своей старец соблюдал, однако ж, благоразумную меру, заботясь и о том, чтоб его питомец не имел пристрастия даже к строгим подвигам. Для чего иногда назначал ему послушания тяжелые и уничижительные, а иногда легкие и честные; иногда усиливал его пост и бдение, а иногда заставлял его принимать пищу досыта и спать вдоволь, всячески приучая его к отречению от своей воли и своеличных собою распоряжений.

Преподобный Симеон искренно любил своего старца, чтил его как мудрого отца и ни в чем ни на волос не отступал от его воли. Он так благоговел к нему, что целовал то место, на котором старец совершал молитву, и так глубоко смирялся пред ним, что не считал себя достойным приступить и прикоснуться к одежде его.

Такого рода жизнь не обходится без особенных искушений, и враг скоро начал строить ему их. Он напустил на него отяжеление и расслабление во всем теле, за которыми следовало разлечение и омрачение мыслей до того, что ему казалось, будто он ни стоять не может, ни открыть уст своих на молитву, ни слушать церковной службы, ни даже возвесть ум свой горе. Уразумев, что это состояние не похоже ни на обычное от трудов утомление, ни на болезнь, преподобный вооружился против него терпением, нудя себя ни в чем себе не послаблять, а напротив – напрягать себя на противное внушаемому как на благопотребное средство к восстановлению своего обычного состояния. Борьба при помощи Божией и молитвах старца увенчалась победою. Бог утешил его таким видением: как облако какое поднялось от ног его вверх и рассеялось в воздухе, и он почувствовал себя бодрым, живым и столько легким, что будто не имел тела. Искушение отошло, и преподобный в благодарность Избавителю положил с этих пор никогда не присаждаться во время богослужения, хотя это разрешается уставом.

Потом враг поднял у него плотскую брань, смущая помыслами, тревожа движениями плоти, и во сне представлял ему срамные воображения. Благодатию Божиею и молитвами старца прогнана и эта брань.

Далее поднялись родные и даже родители, с жалением уговаривая его умерить строгости или даже и совсем оставить монашество. Но и это не только не умалило его обычных подвигов, а напротив – усилило их в некоторых частях, особенно в отношении к уединению, устранению от всех и молитве.

Наконец враг вооружил против него братий обители, сподвижников его, которым не нравилась его жизнь, хотя они и сами не любили распущенности. С самого начала одни из братий отнеслись к нему благосклонно и с похвалою, а иные – неодобрительно, с укорами и подсмеиваниями, больше за глаза, а иногда и в глаза. Преподобный Симеон не обращал внимания ни на похвалы, ни на охудения, ни на почитания, ни на бесчещение и строго держался установленных с совета старца своего правил жизни внутренней и внешнего поведения. И старец нередко подновлял свои ему убеждения быть твердо и терпеть все мужественно, особенно же стараться так настраивать душу свою, чтоб она паче всего была кротка, смиренна, проста и незлобива, потому что в таких только душах обыкла обитать благодать Святого Духа. Слыша такое обетование, преподобный усугубил свою ревность о жизни по Богу.

Между тем неудовольствия братий все росли и росли, число недовольных множилось, так что к ним приставал иногда и игумен. Видя, что соблазн усиливался, старец перевел своего питомца к славному тогда Антонию, игумену монастыря святого Маманта, ограничиваясь в своем руководстве наблюдением издали и нередкими посещениями. И здесь жизнь преподобного Симеона текла обычным уже для него порядком. Преспеяние его в подвижничестве, не только внешнем, но паче внутреннем, стало явным и подавало надежду, что и впредь ревность к тому не ослабеет в нем.

Почему старец решился наконец сделать его полным монахом через постриг и облечение в схиму.

Это радостное событие обновило и усилило подвижнические добродетели преподобного. Он весь предался уединению, чтению, молитве и богомыслию; целую неделю вкушал одни овощи и семена и только по воскресеньям ходил за братскую трапезу; спал мало, на полу, подстилая лишь овчину поверх рогожи; на воскресенье же и праздники совершал всеобщие бдения, стоя на молитве с вечера до утра и во весь потом день не давая себе отдыха; никогда праздного не произносил он слова, но хранил всегда крайнее внимание и трезвенное самоуглубление; сидел все запертым в келлии, и если когда выходил наружу посидеть на скамье, то казался будто облитым слезами и носил на лице отсвет молитвенного пламени; читывал наиболее жития святых и, начитавшись, садился за рукоделье – каллиграфствовать, что-нибудь переписывать для обители и старцев или для себя; с первым ударом симандры вставал и спешил в церковь, где со всем молитвенным вниманием прослушивал богослужбное последование; когда бывала Литургия, он всякий раз причащался Святых Христовых Таин и весь тот день пребывал в молитве и богомыслии; бодрствовал обычно до полуночи и, соснув немного, шел на молитвословие вместе с братьями в церковь; во время Четырнадцатидневия пять дней проводил без пищи, в субботу же и в воскресенье ходил за братскую трапезу и ел, что подавалось для всех, спать не ложился, а так, склонившись головою на руки, засыпал на какой-нибудь час.

Два уже года прожил он так в новой для него обители, возрастая в добронравии и подвижничестве и богатея ведением Божественных таин спасения через чтение Слова Божия и отеческих писаний, через собственное богомыслие и беседу с чтимыми старцами, особенно же с своим Симеоном Благоговейником и игуменом Антонием. Эти старцы рассудили наконец, что время уже преподобному Симеоноу делиться и с другими стяжанными

им сокровищами духовной мудрости, и возложили на него послушание – говорить в церкви поучения в назидание братии и всех христиан. Он и прежде, с самого начала подвижничества, вместе с извлечением из отеческих писаний всего, что считал для себя душеполезным, занимался и записыванием собственных мыслей, какие множились у него в часы богомыслия; но теперь такое занятие сделалось для него обязанностью, с тою особенностью, что назидание обращалось уже не к себе одному, но и к другим. Речь его обычно была простая. Ясно созерцая великие истины спасения нашего, он и излагал их понятно для всех, нимало, однако ж, не умаляя простотою речи их высоты и глубины. Его слушали с удовольствием и самые старцы.

Спустя немного, всегдашний его руководитель Симеон Благоговейник возымел желание освятить его иерейским рукоположением. К тому же времени скончался игумен обители, и братия общим голосом на место его избрали преподобного Симеона. Так он за один раз принял и посвящение иерейское, и возведен в игуменство от патриарха тогдашнего Николая Хрисоверга. Не без страха и слез принял он сии будто бы повышения, на деле же бремена неудобноносимые. Он судил о священстве и игуменстве не по видимости их, а по существу дела, почему и приготовлялся к принятию их со всем вниманием, благоговением и богопреданностью. За такое благонастроение он сподобился, как уверял после, в минуты рукоположения особенной милости Божией, ощущения нисходящей благодати в сердце с узрением духовного некоего безвидного света, осенившего и проникшего его. Это состояние возобновлялось у него потом всякий раз, как он литургисал, во все сорок восемь лет его священства, как догадываются из его собственных слов о другом будто некоем иерее, с которым так бывало.

Потому, когда спрашивали его, что такое есть иерей и священство, он со слезами отвечал, говоря: увы, братие мои! Что спрашиваете вы меня об этом? Это такое дело, о котором и подумать страшно. Я недостойно ношу иерейство, но знаю хорошо, каким должен быть иерей. Он должен быть чист и телом, и паче душою, не запятнан никаким грехом, смиренен по внешнему нраву и сокрушен сердцем по внутреннему настроению. Когда литургия сает, должен умом созерцать Бога, а очи вперять в предлежащие Дары; должен сознательно сораствориться в сердце своем со Христом Господом, тамо сущим, чтоб иметь дерзновение сыновне беседовать к Богу Отцу и неосужденно воззвать: *Отче наш*. Вот что говорил святой отец наш вопрошавшим его о священстве и умолял их не искать сего таинства, высокого и страшного для самых Ангелов, прежде чем придут в ангелоподобное состояние посредством многих над собою трудов и подвигов. Лучше, говорил он, каждодневно с усердием упражняйтесь в делании заповедей Божиих, каждую минуту принося искреннее покаяние Богу, если случится в чем согрешить не только делом и словом, но и сокровенным помышлением души. И этим способом можно каждодневно приносить Богу и за себя и за ближних жертву, дух сокрушен, молитвы и моления слезные, сие сокровенное священнодействие наше, о коем радуется Бог и, приемля его в пренебесный жертвенник Свой, подает нам благодать Святого Духа. Так учил он других, в таком же духе литургисал и сам; и когда литургисал, лицо его делалось ангелоподобным и таким проникалось светом, что нельзя было свободно смотреть на него по причине исходившей от него чрезмерной светлости, как нельзя свободно смотреть на солнце. Об этом имеются неложные свидетельства многих его учеников и неучеников.

Сделавшись настоятелем обители, первым делом имел преподобный поновление ее, потому что она во многих частях обветшала. Церковь, построенная еще Маврикием царем, была довольно исправна, но по обновлении обители он и ее где очистил, где обновил, постлал мраморный пол, украсил иконами, утварью и всем потребным. Между тем улучшил и трапезу и правилом положил, чтоб все ходили на нее, не держа особого стола; а чтобы это

вернее исполнялось, и сам ходил всегда на общую трапезу, не изменяя, однако ж, обычного своего постнического правила.

Стала умножаться братия, и он назидал их словом, примером и общим благоустроенным чином, ревнуя всех представить мужами желаний Богу Спасителю нашему. Самому ему Бог приумножил дар умиления и слез, которые были для него пищею и питием, но он имел для них три определенных времени – после утрени, во время Литургии и после повечерия, в которые он молился усиленнее с обильнейшим проливанием слез. Ум у него был светлый, ясно зрящий истины Божии. Он любил сии истины всею полнотою сердца. Почему, когда вел беседу частно или в церкви, слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действенно и плодоносно. Он и писал. Нередко всю ночь просиживал он, составляя богословские рассуждения, или толкование Божественных Писаний, или беседы и поучения общеназидательные, или молитвы стихами, или письма к разным ученикам из мирян и иноков. Сон не беспокоил его, равно как алчба и жажда и другие потребности телесные. Все это долгим подвигом приведено в самую скромную меру и установилось навыком, будто закон естества. Несмотря, однако же, на такие лишения, по виду он всегда казался свежим, полным и живым, как и те, кои вдоволь питаются и спят. Слава о нем и обители его проходила всюду и собирала к нему всех ревнителей настоящего мироотречного жития. Он всех принимал, назидал и возводил к совершенству своим руководством. Многие из них со всем усердием брались за дело и успешно текли вслед учителя своего. Но и все представляли будто сонм бесплотных Ангелов, выну хвалящих Бога и служащих Ему.

Устроив так обитель свою, преподобный Симеон возымел намерение безмолвиться, поставив для братии особого игумена. Избрал он вместо себя некоего Арсения, многократно им испытанного и утвержденного в добрых правилах, в добром настроении сердечном и умении вести дела. Передавая ему бремя настоятельства, он в общем собрании братии дал достоподобное наставление ему, как править, а братьям – как состоять под его управлением, и, испросив у всех прощение, удалился в избранную им безмолвническую келлию на неотлучное пребывание с единым Богом в молитве, богомыслии, чтении Писаний в трезвении и рассуждении помыслов. К подвигам ему нечего было прибавлять. Они и всегда были в напряжении до возможной степени, но, конечно, руководившая его во всем благодать ведала, что в каком чине содержать ему благопотребнее в сем новом образе жизни, и внушала ему то. Дар учительства, прежде находивший удовлетворение в частных и церковных поучениях, теперь обратил все его внимание и труд на писание. Писал он в это время более аскетические уроки в виде кратких изречений, образец которых имеем в сохранившихся до нас его деятельных и умозрительных главах.

До конца, однако ж, наслаждаться ненарушимым покоем не суждено было преподобному. Послано было ему искушение, и искушение сильное и тревожное, чтобы перегорел он и очистился окончательно в огне его. Старец его, Симеон Благоговейник, духовный его отец и руководитель, отошел ко Господу в глубокой старости, после сорокапятилетнего строгого подвижничества. Преподобный Симеон, зная его труды подвижнические, чистоту сердца, к Богу приближение и присвоение и осеняющую его благодать Святого Духа, составил в честь его похвальные слова, песни и каноны и светло праздновал ежегодно память его, написав и икону его. Может быть, его примеру подражали другие в обители и вне обители, потому что он имел много учеников и читателей среди иноков и мирян. Услышал об этом патриарх тогдашний Сергей и, призвав к себе преподобного Симеона, расспросил о празднике и празднуемом. Но увидев, какой высокой жизни был Симеон Благоговейник, не только не противился чествованию памяти его, но и сам стал принимать в нем участие, посылая лампады и фимиам. Так прошло шестнадцать лет. На память празднуемого прославляли Бога и назидались его примерною жизнью и добродетелями. Но, наконец, враг поднял из-за этого бурю искушения.

Некто Стефан, митрополит Никомидийский, очень образованный научно и сильный в слове, оставя епархию, жил в Константинополе и был вхож к патриарху и ко двору. Этот человек мира сего, слыша, как всюду хвалили мудрость и святость преподобного Симеона и особенно его дивные писания, составленные в научение ищущих спасения, подвигся завистью против него. Перелиставши его писания, он нашел их ненаучными и нериторичными, почему отзывался о них с презрением и отклонял от чтения их тех, кои любили читать их. От оуждения писаний он желал перейти к оуждению и самого преподобного, но ничего не находил в жизни его укорного, пока не остановился своим зломыслием на обычае его праздновать память Симеона Благоговейника. Этот обычай показался ему противным порядкам Церкви и соблазнительным. С ним соглашались в этом некоторые из приходских иереев и мирян, и начали все они жужжать в уши патриарха и бывших при нем архиереев, возводя на праведного беззаконие. Но патриарх с архиереями, зная дело преподобного и зная, откуда и из-за чего идет это движение, не обращали на него внимания. Начавший, однако ж, злое дело не успокаивался и продолжал распространять в городе неудовольствие по сему делу на преподобного, не забывая напоминать о нем и патриарху, чтоб и его склонить на то же.

Так около двух лет шла война между правдою преподобного и ложью Стефана. Последний все искал, не было ли чего в жизни чтимого старца, чем можно бы было навести сомнение на его святость, и нашел, что Симеон Благоговейник иногда в чувствах смирения говаривал: ведь и со мною бывают искушения и падения. Эти слова он принял в самом грубом смысле и явился к патриарху с ними, как со знаменем победы, говоря: вот каков был тот, а этот чтит его как святого и даже икону его написал и поклоняется ей. Позвали преподобного и потребовали у него объяснения по поводу взводимого на его старца навета. Он отвечал: что касается до празднования в память отца моего, породившего меня к жизни по Богу, твое святейшество, владыко мой, знает это лучше меня; что же касается до навета, то пусть премудрый Стефан докажет его чем-либо посильнее того, что он говорит, и когда докажет, тогда я выступлю в защиту чтимого мною старца. Сам я не могу не чтить моего старца, следуя заповеди апостолов и святых отцов, но других никого не склоняю на то. Это дело моей совести, а другие, как им угодно, так пусть и действуют. Этим объяснением удовольствовались, но дали заповедь преподобному праздновать вперед память старца своего как можно смиреннее, без всякой торжественности.

Так бы дело и кончилось, если бы не этот Стефан. Ему покоя не давала безуспешность его нападок; и он все что-нибудь придумывал и привлекал преподобного к ответу и объяснениям еще в продолжение шести лет. Между прочим он достал каким-то образом из келлии преподобного икону, где Симеон Благоговейник написан был в сонме других святых, осеняемых благословляющим их Христом Господом, и добился от патриарха и его синода того, что они в видах мира согласились вычистить надпись над его ликом: святой. По этому поводу Стефан поднял по городу целое гонение на икону Симеона Благоговейника, и подобные ему ревнителю поступали с ним точь-в-точь так, как бывало во времена иконоборцев.

Движение это принимало все более и более беспокойный характер, и докучаниям по поводу его патриарху с архиереями при нем конца не было. Изыскивая способы водворить мир, они пришли к мысли, что к успокоению умов и удовлетворению Стефана, может быть, достаточно будет удаления из Константинополя преподобного Симеона. Не видя, как он чувствует своего старца, и другие станут забывать о том, а там и совсем забудут. Решив это, они велели преподобному найти себе другое место для безмолвия, вне Константинополя. Он с радостью на это согласился, любя безмолвие, которое так часто и с такими тревогами нарушалось в городе.

Где-то около Константинополя преподобный облюбил одну местность, где была ветхая церковка святой Марины, и поселился там. Владелец того места, некто из властных архонтов, Христофор Фагура, ученик и чти-тель Симеона, очень был обрадован, услышав о

таким выборе. Потому сам поспешил туда и совершенно успокоил отца своего духовного и помещением, и доставлением ему всего потребного. Мало того, по совету преподобного, он посвятил Богу всю ту местность и вручил ее ему для устройства обители.

Между тем в Константинополе читатели преподобного, узнав об удалении его, недоумели, почему это случилось. Преподобный написал им, как все было, прося их не беспокоиться о нем, уверяя, что все идет к лучшему и что ему на новом месте гораздо покойнее. Читатели его, однако ж, между которыми было немало и знатных лиц, не хотели оставить его без заступничества. Почему, являсь к патриарху, искали объяснения, не было ли чего в сем деле враждебного и несправедливого в отношении к отцу их духовному. В успокоение их патриарх удостоверил их, что уважает преподобного и чтит старца его, и что сам одобрил празднование в память его, с одним только ограничением, чтоб это делалось не так торжественно. Что касается до удаления его, то оно было признано благопотребным как средство для пресечения поднятого в городе движения по случаю означенного празднования. Чтоб не осталось у знати никакого насчет этого сомнения, он пригласил их к себе в другой раз вместе с преподобным Симеоном и в присутствии его повторил то же самое. Преподобный подтвердил слова патриарха, уверяя, что ничего не имеет ни против кого, тем паче против святейшего владыки своего, вниманием коего всегда пользовался, и тут же испросил благословение на устройство замышленной уже им обители. Эти объяснения успокоили всех обеспокоенных удалением преподобного. Преподобный писал после мирное послание и к Стефану митрополиту, – и общий мир был восстановлен.

От патриарха преподобный с друзьями своими был приглашен сказанным Христофором Фагура, где они все сделали между собою сбор потребной на построение обители суммы. Затем спешно началось самое построение и, хотя не без препятствий, скоро приведено к концу. Собрав новое братство и установив в нем иноческие порядки, преподобный Симеон опять устранился от всего и сел на безмолвие с обычными ему подвигами и трудами, посвящая все время, кроме случайных бесед с нуждавшимися в совете, писанию назидательных слов, подвижнических наставлений и молитвенных гимнов.

С этого времени жизнь его текла спокойно до самого конца. Созрел он в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова и явился богато украшенным дарами благодатными. Исходили от него касавшиеся некоторых лиц предсказания, которые оправдались делом; было, по молитвам его, немало исцелений, которые совершал он, повелевая помазывать болящих елеем из лампады, теплившейся пред иконою святой Марины.

Прошло тринадцать лет пребывания преподобного в новой обители его, и приблизился конец жития его на земле. Почувствовав близость исхода своего, он позвал к себе учеников своих, дал им должные наставления и, причастившись Святых Христовых Таин, велел петь отходную, в продолжение коей молясь отошел, сказав: в руце Твои, Господи, предаю дух мой!

Тридцать лет спустя явились святые мощи его (в 1050 г., 5 Индикта), исполненные благоуханий небесных и прославившиеся чудотворениями. Память преподобного Симеона Нового Богослова полагается 12 марта, в день кончины его.

Богомудрые писания его сохранил и предал во всеобщее употребление ученик его Никита Стифат, которому поручил это сам преподобный и который еще при жизни его переписывал их набело, по мере составления, и собирал воедино.

Слова преподобного и Богоносного отца нашего Симеона Нового Богослова

В переводе с новогреческого, на который были они переведены высокопреподобным Дионисием Зогреем, подвизавшимся на пустынном острове Пипери, лежащем против Афонской горы, и напечатаны в Венеции в 1790 году.

Слово первое

- 1. В чем состояло преступление Адамово?**
- 2. Как по причине преступления его все люди сделались тленными и смертными?**
- 3. Как милостивый и человеколюбивый Бог через Домостроительство воплощения избавил род человеческий от тления и смерти? 4. И в чем состоит таинство Креста и три-дневного погребения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа?**

1. Первозданный Адам, будучи в раю, впал, по внушению змия, в гордость и, возмечтав быть богом, как сказал ему диавол, вкусил от древа, от которого Бог повелел ему не ясти. За это предан он великим карам – тлению и смерти, для смирения гордыни его. Но когда Бог осуждает на что, то дает и приговор, и приговор Его становится делом и карою вечною, и уже никакой нет возможности уничтожить эту кару, бывающую по Божескому определению. Подумай же теперь: Адам согрешил великим грехом, потому что словам Бога не поверил, а словам змия поверил. Сравни Бога и змия, и увидишь, как велик был грех премудрого Адама. По великой мудрости своей он дал имена всем животным; но когда от всей души поверил он змию, а не Богу, то Божественная благодать, почивавшая в нем, отступила от него, так как он стал врагом Богу по причине неверия, какое показал к словам Его. Адам подумал, что Бог позавидовал ему и не хотел, чтоб и он знал доброе и лукавое; и для того заповедал ему не вкушать от древа познания добра и зла, чтоб и он не стал богом, подобным Богу, создавшему его. И вкусил, и тотчас познал наготу свою, и вместо того, чтобы соделаться богом, стал тленным, и как тленный – смертным.

2. И вот, как видишь, приговор Божий пребывает навсегда карою вечною. И стали мы, люди, все и тленны и смертны; и нет ничего, что могло бы отстранить сей великий и страшный приговор. Когда же нет возможности отстранить этот приговор, то какая после этого польза от мудрости или от богатства, или от власти, или и от всего мира? Сего ради Всевышний Сын Божий, Господь Иисус Христос пришел, чтоб смириться вместо Адама, – и действительно смирил Себя даже до смерти крестной. Слово же крестное, как говорит Писание, таково: *проклят всяк висий на древе* (Гал. 3, 13). – Адам, никакой не имея нужды, взял от плода оно древа (от которого Бог заповедал ему не вкушать, угрожая, что как только вкусит, умрет), вкусил и умер. Надобно знать, что как человек имеет тело и душу, то смертей у него две: одна смерть души, другая – смерть тела; равно как и два бессмертия – душевное и телесное, хотя то и другое в одном человеке, ибо душа и тело один человек. Так, душою Адам умер тотчас, как только вкусил, а после, спустя девятьсот тридцать лет, умер и телом. Ибо как смерть тела есть отделение от него души, так смерть души есть отдаление от нее Святого Духа, Которым осеяему быть человеку благоволил создавший его Бог, чтоб он жил подобно Ангелам Божиим, кои, будучи всегда просвещаемы Духом Святым, пребывают неподвижными на зло. По этой потом причине и весь род человеческий соделался таким, каким стал через падение праотец Адам, – смертным, то есть по душе и по телу. Человека, каким создал его Бог, не стало более в мире; и возможности не было, чтоб стал кто-либо таким, каким был Адам до преступления заповеди. А необходимо было, чтобы такой человек был.

3. Итак, Бог, желая иметь такого человека, каким в начале создал Адама, послал в последние времена на землю Сына Своего Единородного, и Он, пришедши, воплотился, восприняв совершенное человечество, чтобы быть совершенным Богом и совершенным человеком, и Божество имело, таким образом, человека, достойного Его. И се человек! другого такого не было, нет и не будет. Но для чего соделался таковым Христос? Для того, чтобы соблюсти закон Божий и заповеди Его и чтобы вступить в борьбу и победить диавола. То и другое совершилось в Нем само собою. Ибо если Христос есть Тот Самый Бог, Который дал

заповеди и закон, то как можно было не соблюсти Ему того закона и тех заповедей, которые Сам дал? И если Он Бог, как и есть воистину, то как возможно было Ему быть обольщену или обмануту какою-либо хитростью диавола? Диавол, правда, как слепой и бессмысленный, восстал против Него бранью, но это попущено было для того, чтобы совершилось некое великое и страшное таинство, именно: чтобы пострадал Христос безгрешный и через то получил прощение Адам согрешивший. Для этого и вместо древа познания был крест, вместо ступания ног, которыми прародители шли к запрещенному дереву, и вместо простертия рук их, которые стирали они, чтобы взять плод древа, были пригвождены ко кресту непорочные ноги и руки Христовы, вместо вкушения плода было вкушение желчи и оцта, и вместо смерти Адама – смерть Христова. Потом что было? Лежал Христос во гробе три дня, ради таинства Пресвятой Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадал один Он – Сын, однако Домостроительство это есть дело Пресвятой Троицы. В чем же это Домостроительство? Одно лицо Святой Троицы, именно: Сын и Слово Божие, воплотившись, принес Себя плотию в жертву Божеству Отца, и Самого Сына, и Духа Святого, чтобы благоволительно прощено было первое преступление Адама ради сего великого и страшного дела, то есть ради сей Христовой жертвы, и чтобы силою его совершалось другое новое рождение и воссоздание человека во Святом Крещении, в коем и очищаемся мы водою, срастворенною с Духом Святым. С того времени люди крещаются в воде, погружаются в нее и вынимаются из нее три раза, во образ тридневного погребения Господня, и после того как умрут в ней всему этому злему миру, в третьем вынутии из нее являются уже живыми, как бы воскресшими из мертвых, т. е. души их оживотворяются и опять приемлют благодать Святого Духа, как имел ее и Адам до преступления. Потом (крещеные) помазуются святым миром, и посредством его помазуются Иисусом Христом, и благоухают преестественно. Сделавшись таким образом достойными того, чтобы быть общниками Бога, они вкушают Плоть Его и пьют Кровь Его и, посредством освященных хлеба и вина, соделоваются сотелесными и сокровными воплощемуся и принесшему Себя в жертву Богу. После сего уже невозможно, чтобы над ними господствовал и тиранствовал грех, яко над богами по благодати. Так как Адам подпал клятве, а через него и все люди, от него происходящие, приговор же об этом Божий никак не мог быть уничтожен, то Христос бысть по нас клятва, через то что повешен был на Древе Крестном, чтоб принести Себя в жертву Отцу Своему, как сказано, и уничтожить приговор Божий преизбыточествующим достоинством жертвы. Ибо что больше и выше Бога? Как во всем этом видимом творении нет ничего выше человека, ибо все видимое и сотворено для человека, так Бог несравненно выше всего сотворенного, и ничто не может идти с Ним в сравнение, ни вся видимая и невидимая тварь. Таким образом, Бог, Который есть несравненно выше всего видимого и невидимого творения, восприял естество человеческое, которое есть выше всего видимого творения, и принес его в жертву Богу и Отцу Своему. Устыдившись такой жертвы, скажу так: и почтив ее, Отец не мог оставить ее в руках смерти; почему уничтожил приговор Свой и воскресил из мертвых во-первых и вначале Того, Кто дал Себя в жертву, в искупление и взамен за сородных Ему человеков, – а после, в последний день скончания сего мира, воскресит и всех людей. Впрочем, души тех, которые веруют в Иисуса Христа, Сына Божия, в сию великую и страшную Жертву, Бог воскрешает в настоящей жизни, и знамением сего воскресения служит благодать Святого Духа, которую дает Он душе всякого христианина, как бы другую душу. Такая душа христианина потому и называется верною, что ей вверен Святой Дух Божий и она прияла Его, – Дух Божий, Который есть жизнь вечная, так как Святой Дух есть Бог вечный, исходящий из вечного Бога и Отца.

4. Поелику таким образом Крест соделался как бы жертвенником сей страшной Жертвы, ибо на Кресте умер Сын Божий за падение людей, то справедливо Крест и чтится, и покланяем бывает, и изображается как знамение общего всех людей спасения, чтобы покланяющиеся Древу Креста освобождались от клятвы Адамовой и получали благословение и

благодать Божию на делание всякой добродетели. Для христиан Крест – величание, слава и сила, ибо вся наша сила в силе распявшегося Христа; вся грешность наша умерщвляется смертью Христа на Кресте, и все возвеличение наше и вся слава наша в смирении Бога, Который до того смирил Себя, что благоволил умереть даже между злодеями и разбойниками. По сей-то причине христиане, верующие во Христа, знаменуют себя знамением креста не просто, не как попало, не с небрежением, но со всем вниманием, со страхом и с трепетом, и с крайним благоговением. Ибо образ креста показывает примирение и содружество, в какое вступил человек с Богом. Посему и демоны боятся образа креста и не терпят видеть знамение креста изображаемым даже и на воздухе, но бегут от этого тотчас, зная, что крест есть знамение содружества человеков с Богом и что они, как отступники и враги Богу, удаленные от Божественного лица Его, не имеют более свободы приближаться к тем, кои примирились с Богом и соединились с Ним, и не могут более искушать их. Если и кажется, что они искушают некоторых христиан, да ведает всякий, что это борются они тех, которые не познали как следует высокого таинства Креста. Те же, которые уразумели сие таинство и на самом деле опытно познали власть и силу, какую имеет крест на демонов, познали также, что крест дает душе крепость, силу, смысл и Божественную мудрость, – эти с великой радостью восклицают: *мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего, имже мне мир распяся и аз миру* (Гал. 6, 14). Итак, поелику знамение креста велико и страшно, то всякий христианин имеет долг совершать его со страхом и с трепетом, с благоговением и вниманием, а не просто и как попало, по привычке только и с небрежением, ибо по мере благоговения, какое кто имеет ко кресту, получает он соответственную силу и помощь от Бога, – Коему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово второе

1. О том, что естество человеческое через воплощение Сына и Бога Слова приходит опять в благобытие, то есть в то доброе и божественное состояние, в каком было оно до преступления Адамова.

2. Также о законе естественном, писаном и духовном.

3. Еще о том, каким способом может кто прийти в благобытие.

4. И какие дела делая, можем мы войти в Царствие Небесное.

1. Поелику естество человеческое потеряло свое благобытие через преступление Адамова, то необходимо узнать нам, что такое был Адам прежде потери благобытия и в чем состояло это благобытие, или то доброе и божественное состояние, какое имел человек прежде преступления. Святые отцы говорят нам, что Бог соделался человеком для того, чтобы через вочеловечение Свое опять возвесть естество человеческое в благобытие. Почему надобно нам узнать, каким это образом через воплощенное Домостроительство Христово человек опять приходит в благобытие.

Бог в начале, когда создал человека, создал его святым, бесстрастным и безгрешным, по образу и подобию Своему; и человек точно был тогда подобен Богу, создавшему его. Ибо святой, безгрешный и бесстрастный Бог и творения творит святые, бесстрастные и безгрешные. Но поелику непременимость и неизменяемость есть свойство одного безначального и несозданного Божества, то созданный человек естественно был пременяем и изменяем, хотя имел способ и возможность при помощи Божией не подвергнуться пременению и изменению.

Так, свят был человек и, как святой, не имел нужды ни в каком законе, ибо для праведника закон не нужен. Какая нужда в законе для святого, бесстрастного и чистого? Закон повелевает делать добро и не делать зла. Но Писание говорит, что *виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело* (Быт. 1, 31). Итак, поелику все было добро зело, то какая была нужда человеку в научении, что хорошо и что не хорошо? Поелику не было ничего, что не было бы крайне хорошо, то и не имел нужды в законе божественный оный человек.

2. Впрочем, поелику в его власти было вкушать от всякого древа райского, еще же и от самого древа жизни, то ему дана была заповедь не вкушать от одного только древа, чтобы знал, что он пременяем и изменяем, и остерегался, и пребыл навсегда в том добром и божественном состоянии. Бог теми словами, какие сказал ему, давая заповедь, что если вкусит, умрет, давал ему разуметь, что он пременяем и изменяем.

Так – тогда, в раю, не нужен был закон, ни писанный, ни духовный. Но после того, как человек вкусил от того запрещенного древа и умер горькою смертью, т. е. отпал от Бога и подвергся растлению, – тогда, чтобы совсем не отпал он от всякого добра (так как зло сильно распространилось в роде человеческом и тиранило его насильственно, по причине бедственного расслабления, какому подвергся он вследствие растления), дан был ему закон, чтоб показывал, что хорошо и что худо. Ибо человек стал слеп, вышел из ума и обезмыслел, почему и имел нужду в научении, как написано в псалмах: *открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). *Вразуми мя, и научуся заповедем Твоим* (Пс. 118, 73).

Видишь, в какое жалкое состояние пришел человек и как потому имел нужду в писаном законе? Ибо после того, как пал он, не мог уже ведать даже и этого мира, если б прежде не был свыше от Бога просвещен ведением относительно его.

После же, когда пришел Христос и так тесно соединил в Себе Божество с Человечеством, что два сии, крайне расстоящиеся, т. е. Божество и Человечество, стали единым лицом, хотя пребывали неслиянными и несмешанными, – с того времени человек сделался

уже как бы светом, через соединение с оным, первым и невечерним Светом Божиим, и не имеет более нужды ни в каком писаном законе, потому что Божественная благодать Иисуса Христа, пребывающая с ним и в нем, плодприносит ему благобытие, т. е. любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость и воздержание. Почему апостол Павел, перечислив такие плоды Святого Духа, и говорит в конце: *на такихых несть закона* (Гал. 5, 22, 23), ибо для праведника не требуется закон. Кто же не имеет еще таких плодов Святого Духа, тот и не Христов, как говорит апостол: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 9). Такому надлежит подвизаться и постараться о том, чтобы соделаться Христовым, да не тщетно верует во Христа, – в каком случае Христос не пользует ему ничтоже. Все старание и весь подвиг его должен быть обращен на то, чтобы стяжать Дух Христов и таким образом приносить плоды Духа Святого, ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие.

3. Если же человеческое естество приходит опять в благобытие, как было первоначально, через воплощение Христово, и нет никакого другого способа и никакой другой силы, или мудрости, или труда и подвига, чтоб человеческое естество опять пришло в благобытие и стало как было первоначально сотворено, но находится единственно в руке Бога, давшего ему бытие, и то, чтоб даровать ему благобытие, и другим способом этому быть никак нельзя, то какая нужда тщетно трудиться, подвизаясь ради сего одними своими подвигами, чтением, злостраданием, томлением себя алчною, жаждою и бдениями? И если такие и толикие злострадания бывают тщетны и бесполезны для того, кто не ведает великого онога таинства (спасения), то на каждом христианине лежит долг научиться ему и познать его, чтоб не протрудиться понапрасну в тех злостраданиях и не попустить погибнуть (и при них) душе своей, что бедственнее всякого другого бедствия. Ибо все такие и толикие злострадания должны быть подъемлемы не для того, чтоб прийти в благобытие, но для того, чтоб сохранить благобытие, какое приняли мы прежде через Святое Крещение, так как сокровище сие труднохранительно и нам надлежит добре внимать, да сохраним оное, как сказали святые отцы. И в будущей жизни христианин не будет испытует, отрекся ли он мира, постился ли, совершал ли бдения, молился ли, плакал ли и другие какие совершал ли в настоящей жизни дела добрые, но будет тщательно испытует, имеет ли он какое-либо подобие Христу, как сын отцу, как говорит и Павел: *чадца моя, имижже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19). Ибо которые во Христа крестятся, во Христа облакаются (Гал. 3, 27).

4. Те, которые хранят врата Царствия Небесного, если не увидят в христианине подобия Христу, как сына отцу, никак не отворят ему их и не дадут войти. Ибо как подобные ветхому Адаму, преступившему заповедь Божию, пребывают вне Царствия Небесного, несмотря на то что они нисколько не виновны в том, что подобны праотцу Адаму, так и христиане, подобные Новому Адаму, Отцу их Христу, входят в Царствие Небесное, при всем том, что то, что они подобны Христу, не есть собственное их дело, так как это совершается посредством веры, какую восприемлют они во Христа.

Подобие же Христу составляют истина, кротость, правда, и вместе с ними смирение и человеколюбие. Истина зрится во всех словах, а кротость во всех противословиях, потому что кроткий, похвалами ли окружен или порицаниями, хранит себя бесстрастным и ни похвалами не превозносится, ни порицаниями не огорчается. Правда зрится во всех делах, ибо как определяем мы тяжесть вещей посредством весов и как узнаем качество золота через потирание его о камень, так ни в каком начинании не выходим мы из пределов правды, если при этом содержим в памяти те меры (способы измерения, или весы), какие даровал нам Господь наш (заповеди). Смирение есть как бы неокрадомая сокровищница, устрояемая в том уме, который носит убеждение, что только силою благодати, приемлемой от Христа, имеются в нем показанные добрые качества, т. е. истина, кротость и правда. Человеколюбие есть подобие Богу, так как оно благодворит всем людям, и благочестивым и нечестивым, и

добрым и злым, и знаемым и незнаемым, как и Сам Бог всем благодворит, воссиявает солнце на праведных и неправедных, дождит на злых и благих. Итак, те, которые прияли сие от Христа, от Него имеют подобие Ему, как сын от отца имеет подобие отцу, потому что сын не бывает иначе, как из естества отца своего. Для того Бог соделался человеком, и через такое соединение Божества с человеческим естеством царствует Божество над естеством человеческим, как написано: *наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости и правды* (Пс. 44, 5). Таким образом, над кем не восцарствовал Христос через те добродетели, о которых мы сказали, тот не подобен Христу, как Отцу, и недостоин войти в Царствие Небесное. Воистину так есть. Почему излишни все прочие подвиги, если не бывают ради их. Постараемся же и мы, братие, соделаться подобными Христу посредством тех добродетелей, да сподобимся Царствия Его. Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово третье

О том, что нам надлежит испытать самих себя, имеем ли мы блаженства Христовы, потому что они (добродетели, ими указываемые) суть знак печати (Христовой).

Братие мои возлюбленные! Если кто из нас не запечатлен и не имеет на себе печати Господа нашего Иисуса Христа, да течет наискорейше, чтоб запечатлеться; если не имеем знамения благодати Святого Духа, да подвигаемся всяким образом, чтоб воспринять его. Ибо смерть не властвует над душами, которые запечатлены Всепречистой Кровью Христовой и благодатию Всесвятого Духа, и волк мысленный, диавол, не стерпевае воззреть (отворачивается) на печать Пастыреначальника Христа, которою печатлеет Он овец Своих. Да, братие мои христиане, не стерпевае. Сего ради потщимся всеусердно делать все дела, какие угодны Христу, да сподобимся запечатления от Него, чтоб без боязни прейти прочее время жизни нашей; и не это только, но да восприимем милость от Него и достойными соделаемся изведать таинства Христа, изведать, говорю, не словом только или слухом и преданием, но делом и действительностью.

Как же делом изведывает кто таинства Божии? – Внемли, да разумеешь. Иисус Христос говорит во Святом Евангелии: *блажени нищии духом, яко тех ест Царство Небесное* (Мф. 5, 3). Слыша это, должны мы подумать в уме своем и хорошо исследовать самих себя, таковы ли мы, т. е. нищи ли мы духом, чтоб Царство Небесное было собственно нашим, и столько собственно нашим, чтоб мы в чувстве души были удостоверены, что стяжали уже Царствие Небесное и имеем богатства его верно, так что чувствуем без всякого сомнения, что находимся внутри его и веселимся, наслаждаясь благами, кои находятся там внутри. Ибо Господь говорит нам, что Царствие Небесное внутри нас есть. Знамение же и доказательство, показывающее, что Царствие Небесное истинно есть внутри нас, есть следующее: если мы не похотствуем никаких привременных благ мира сего, ни богатства, ни славы, ни удовольствий и никакого мирского или плотского услаждения, но удаляемся от всего этого и отвращаемся всею душою и всем сердцем столько, сколько возвеличенные царской честью и властью удаляются от вращающихся в блудилищах и сколько привыкшие носить чистые одеяния и намазаться мирами и благоуханиями отвращаются от нечистых мест и зловония. А кто не отвращается от всего этого, но имеет пристрастие к чему-либо из того, о чем мы сказали, тот ни видел Царствия Небесного, ни обонял, ни вкушал сладости и благоухания его.

И опять говорит Христос: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Посмотрим же опять и исследуем, имеем ли мы плач, и что это за утешение, которое, как говорит Господь, последует за плачем? Прежде сказал Он, что блаженны нищие духом, потому что их ест Царствие Небесное. Нищие же духом не имеют, как мы сказали, никакого пристрастия к благам мира сего и не помышляют о них с услаждением, но ненавидят их и отвращаются от них. Итак, кто презрел весь мир, кто отдалается от него самым помыслом паче, нежели телом, и не имеет похотения ни к какому из видимых благ, тот чем мирским может быть опечален или обрадован? И тому, кто имеет Царствие Небесное и веселится внутри его каждодневно, как возможно плакать? К тому же Господь сказал, что те, которые плачут, приемлют утешение. Но внемлите, прошу вас, да уразумеем силу слова сего.

Верный человек, добре всегда внимающий заповедям Божиим, когда, творя все, что требуют заповеди Божии, помыслит о высоте их, т. е. о том непорочном житии и чистоте (какие они изображают), тогда, исследуя меру свою, найдет себя крайне немощным и бессильным достигнуть оной высоты заповедей, найдет, что он крайне нищ и недостоин принять Бога или возблагодарить Его и прославить (упокоить в себе), так как не стяжал еще в

собственность себе никакого блага (нечем упокоить). Но таковой, помышляя о всем, сказанном мною, с чувством душевным, без всякого сомнения восплачет плачем оным, который есть воистину наиблаженнейший плач, приемлющий и утешение и делающий душу кроткой. Утешение и радость, которые рождает плач, суть залог Царствия Небесного. Вера есть уповаемых извещение, как говорит божественный Павел, а утешение, бывающее в тех душах, кои плачут от облистания и освящения Святого Духа, есть присутствие Бога, дарующего им ради плача смиренномудрие, которое называется и семенем и талантом, потому что растет и множится в тридцать, шестьдесят и сто в душах подвижающихся и приносит Богу святой плод дарований Святого Духа.

Где истинное смирение, там и глубина смиренномудрия; где смиренномудрие, там и воссияние Святого Духа; где воссияние Святого Духа, там обильное изливание света Божия и Бог с премудростью и ведением таин Его; где это, там Царствие Небесное, и сознание Царствия, и сокровенные сокровища боговедения, в которых и явление духовной нищеты; где чувство духовной нищеты, там радостотворный плач и непрестанные слезы, которые очищают душу от всяких люблений и пристрастий и делают ее всю световой.

Когда же просветится таким образом душа и уведает добре Владыку своего и Бога, тогда начнет она со всем усердием плодоприносить в себе и прочие добродетели Ему и Христу Господу. И подобает так. Ибо будучи всегда напаяема и питаема слезами, всецело погашает она в себе гнев, и соделовается вся кроткой и не подвижной на сердчанье, и тогда алчет и жаждет, т. е. сильно желает и ищет узнать оправдания Божии и приобщиться их, а вместе с сим становится милостивой и сострадательной. От всего же этого опять делается чистым сердце ее, и приходит созерцание Бога, и чисто зрит славу Его, по обетованию Его: *яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). А те, у коих души таковы, суть воистину миротворцы и нарицаются сынами Божиими, кои чисто ведают Отца своего и Владыку и любят Его от всего сердца своего, терпя ради Его всякую тяготу и скорбь, когда бывают поносимы, укоряемы и теснимы за праведные заповеди Его, кои повелел Он нам соблюдать, когда бывают всячески оскорбляемы и гонимы, и переносят *всяк зол глагол, какой лжуще* (Мф. 5, 11) изрыгают против них, ради *имени Его святого*, радуясь, что сподобились приять бесчестие от людей за любовь к Нему.

Узнали ль теперь, братья мои, истинное впечатление печати Христовой? Уразумели ль, верные, в каких признаках обнаруживается верность христианина? Поистине одна только есть печать Христова – осияние Духа Святого, хотя много есть видов воздействий Его и много знамений силы Его. Первейшее всего другого и необходимейшее есть смирение, так как оно есть начало и основание. Ибо говорит Бог: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Второе есть плач, источающий непрестанные слезы, о которых желал бы я многое сказать, но не нахожу достаточно слов, какими мог бы достоподобно беседовать о них. Чудо неизъяснимое! Текут слезы вещественные из очей вещественных и омывают душу невещественную от скверн греховных; падают на землю, но низвергают демонов и освобождают душу от невидимых уз греха. О, слезы! Вы, источаясь от действия Божественного просвещения, отверзаете самое небо и низводите Божественное утешение. От сего утешения и от сладости духовной, какие испытываю, опять говорю и многократно буду повторять то же, что где слезы с истинным ведением, там и осияние Божественного Света, а где осияние сего Света, там и дарование всех благ, там внутри сердца отпечатлена и печать Святого Духа, от Которого произрастаются и все плоды жизни. От слез плодоприносятся Христу кротость, мир, милостивость, сердоболие, доброта, благодатная вера, воздержание. От слез происходит то, что иной любит врагов своих и умоляет о них Бога, радуется в искушениях и хвалится скорбями, смотрит на грехи других как на свои собственные, и плачет о них, и с готовностью предает жизнь свою на смерть за братьев своих.

Послушайте же, умоляю вас, братья мои христиане, и пробудитесь от усыпления! Войдите в самих себя и посмотрите, воссиял ли свет Божественной благодати внутри сердец ваших, – посмотрите, увидели ли вы великий свет ведения, посетил ли вас восток с высоты и светит ли он вам во тьме и сени смертной седящим? Бог ни в чем не имеет недостатка, будучи преисполнен всех благ и совершенств. Ничего Ему от нас не нужно, кроме одного нашего спасения. Спасение же наше иначе не может состояться, если не изменится ум наш и не соделается иным действием силы Божией, так чтобы стал он умом обоженным, т. е. бесстрастным и святым. Обоженным бывает тот ум, который внутри себя имеет Бога. Впрочем, чтобы стал таковым ум сам от себя, это невозможно. Только тот ум, который соединяется с Богом посредством веры и познает Его через делание заповедей, только такой наивернейше сподобляется видеть Его и созерцательно; ибо через посредство веры, какую имеет он во Христа, вселяется Христос внутрь его и делает его обоженным. Сохраняется же ум обоженным через то, если всегда поучается в том, что есть Христово, и непрестанно внимает закону Его, ибо поколику внимает кто закону Христову, потолику соблюдает и заповеди Его (и через это содержит себя обоженным); как опять кто имеет ум обоженным, тот по тому самому всегда поучается в том, что Христово, непрестанно внимает закону Его и творит заповеди Его.

Восподвизаемся же, возлюбленные, о том, чтобы питать и возжигать в себе обильнейший огонь Божественный, т. е. любовь Божию, посредством делания заповедей Христовых, ибо посредством их возгорается в нас Божественный огонь, и посредством же их обыкновенно увеличивается он. Как чувственный огонь возгорается в веществе, как то: в дровах и в другом чем таком горючем, так что когда малая искра огня падает на такое вещество, то возжигает большое пламя, которое делается потом тем большим еще, чем больше находит горючего вещества: таким же образом действует и умный огонь в отношении к умному (или в умной области). Что горючее вещество для чувственного огня, то разумная душа, имеющая в себе как бы вещество горючее – заповеди Христовы, – для огня Божества. Божество, то есть Божественная благодать сама по себе, одна, не бывает явною, если не низойдет в разумную душу. Как чувственный огонь не является в чувственном, если не найдет горючего вещества, так и умный огонь не является в умном, если не найдет вещества заповедей Божиих. Господь и говорит: *любяй Мя заповеди Моя соблюдет, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21). Вещественный огонь, прежде чем проявится в вещественном, бывает сокрыт; подобно сему и Божественный огонь, прежде чем проявится в умных душах, бывает сокровен. И опять, начало чувственного огня непонятно, потому что он сокрыт внутри чувственного; равным образом и начало умного огня недомыслимо, потому что он сокровен в умном. Впрочем, чувственный огонь – одного естества с чувственным, а огонь умный не одного естества с умными (душами), ибо Творец не одного естества с тварью. Следовательно, умный огонь гораздо более сокровенен в умном, чем чувственный в чувственном.

Порассмотрим же, братья, и поисследуем самих себя до точности, есть ли в нас печать Христова, и по указанным выше признакам постараемся определенно узнать, есть ли в нас Христос. Если мы не восприняли еще Христа, не имеем еще печати Его и не видим, чтобы были в нас те признаки, о которых мы сказали, но паче видим все противное тому, то есть что и мир прелестный живет в нас, и мы, к несчастью, живем в нем, что высоко ставим временные блага мира, а в скорбях, находящих на нас, изнемогаем, при бесчестиях печалимся, а при честях, богатстве и наслаждениях мирских и плотских радуемся и веселимся; горе нам по причине зловредности, коею страдаем, горе нам по причине неведения и омрачения, покрывающего нас, горе нам по причине окаянства и нечувствия, кои возгосподствовали над нами! Всецело ниспали мы долу, к земному, мирскому и чувственному. Поистине бедны мы и пренесчастливы, далеки будучи от жизни вечной и Царства Небесного, потому что не стяжали еще в самих себе Христа, но имеем еще в себе мир живым, поколику живем в нем и мудствуем земная. А кто таков, тот явно враг есть Богу, потому что пристрастие к миру

есть вражда на Бога, как говорит божественный апостол: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2, 15); *ибо любы мира сего вражда Богу есть* (Иак. 4, 4). Нельзя Богу работать и по человеку жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.